

The illustration depicts a man in a dark coat and red scarf, wearing a flat cap, holding a handgun and aiming it at a two-story wooden building. The building has a copper roof and several windows, some of which are lit from within. In the foreground, a man lies motionless on the ground. The scene is set in a dark, possibly nighttime or dusk environment, with a large tree trunk visible on the right. The overall style is that of a classic Soviet-era book cover.

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

ТАЙНИК

в старой стене

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Тайник в старой стене

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

Шарапов В. Г.

Тайник в старой стене / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2021 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-118375-2

1948 год. Псков. На продовольственный склад воинской части совершено разбойное нападение. На месте преступления обнаружены мертвыми двое грабителей. Похоже, был кто-то еще, кто расправился со своими подельниками. Расследование поручено капитану угро Павлу Звереву. Опытный сыщик подозревает, что бандиты охотились не за крупами и тушёнкой, их интересовало что-то другое... Дело приняло неожиданный оборот, когда выяснилось, что следы этого ограбления ведут в квартиру бывшего офицера царской армии, сумевшего в свое время присвоить уникальную коллекцию золотых монет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

ISBN 978-5-04-118375-2

© Шарапов В. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	13
Часть вторая	17
Глава 1	17
Глава 2	24
Глава 3	27
Часть третья	30
Глава 1	30
Глава 2	33
Глава 3	38
Часть четвертая	41
Глава 1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Шарапов

Тайник в старой стене

Часть первая

Антипов

Глава 1

г. Псков, послевоенные годы...

Стрёлки доползли до двенадцати, и часы ударили гулким протяжным боем. Корнев откинулся в кресле, съежился и, отодвинув лежавшие перед ним папки со сводками, медленно встал. Приступ начался примерно в половине одиннадцатого, и Степан Ефимович до сих пор чувствовал ноющую резь в боку.

«Проклятая язва – будь она неладна, нужно обязательно выпить чаю, а еще лучше что-нибудь съесть!»

До обеда оставался еще целый час, а бутерброды, которые Степан Ефимович утром принес из дома, – Корнев жил один, поэтому завтраки готовил себе сам, – были давно съедены. Заводская столовая, находившаяся неподалеку, в которой постоянно обедал он сам и большая часть его сотрудников, откроется только в час. Прижав руки к животу, Корнев поморщился, потом поднялся, подошел к сейфу и, открыв его, посмотрел на стоявшую за папками бутылку армянского коньяка и лежащую рядом с ней плитку немецкого шоколада марки «Halleoren». Не бог весь что, но все же!..

Несмотря на сильную боль, прикоснуться к припрятанным в сейфе припасам Степан Ефимович пока что не решался. Этот коньяк и этот шоколад принес Корневу один его старый знакомый – полковник Сухов, который недавно вернулся из Германии.

Первая гвардейская краснознаменная танковая армия, в которой служил Сухов, после войны была расквартирована в Дрездене и до настоящего времени дислоцировалась в Германии. Однако спустя три года часть подразделений была отозвана в Союз, и Сухова перевели в Псков.

По возвращении на родину Сухов получил новое жилье и на следующий же день после заселения организовал в своей новой квартире веселую пирушку. Сначала гуляли лишь несколько приятелей полковника из числа его сослуживцев, но к вечеру к ним присоединились едва ли не все соседи, живущие в подъезде. Утром, проснувшись с жуткой головной болью, полковник не обнаружил в квартире служебного удостоверения и, что самое страшное, пропал его лежавший в шкафу табельный револьвер. Сухов, перепуганный до смерти, тут же отправился в Управление милиции и, узнав, кто им руководит, потребовал встречи с начальником псковской милиции, представившись его старым другом.

Корнев не сразу узнал полковника-танкиста, с которым ему доводилось встречаться. Это было в годы войны, и их знакомство было весьма шапочным – они лишь пару раз пересекались на оперативных совещаниях в сорок четвертом, когда Корнев воевал на Северо-Западном фронте и командовал батальоном. Сухов не особо жаловал Корнева и смотрел на него свысока; им довелось обменяться лишь несколькими фразами, на этом их знакомство и закончилось. Теперь же дружелюбия у Сухова значительно прибавилось.

Услыхав о случившемся с Суховым, начальник псковской милиции не смог отказать «старому другу». Он вник в ситуацию и согласился помочь, обещая не придавать делу лишней огласки.

Вора задержали уже на следующий день. Похитителем оказался новый сосед Сухова, мелкий жулик, которого пригласили на новоселье. Сосед, воспользовавшись вакханалией, которую устроили Сухов и его товарищи на новоселье, тут же сориентировался на месте и, заглянув в тумбочку, прихватил лежавшие там документы и револьвер, после чего спокойно скрылся и припрятал украденное в надежде продать потом на барахолке.

Когда милиционеры отыскивали обнаглевшего ворюгу, Сухов долго жал Корневу руку, а на следующий день явился к нему снова, слегка навеселе, и торжественно вручил «старому приятелю» дорогой коньяк и шоколад. Корнев долго отказывался, но полковник так наседал, что Степан Ефимович уступил и взял предложенные бесшабашным гостем подарки.

Корнев не одобрял подобных подношений, поэтому до сей поры так и не притронулся ни к коньяку, ни к шоколаду – все это так и пылилось у него в сейфе уже не меньше недели. Однако сегодня Степан Ефимович решил-таки отступить от своих принципов. Пить алкоголь, да еще посреди рабочего дня, в одиночку, Корнев, разумеется, не собирался, а вот шоколад...

Так как унять внезапно возникшую резь в желудке было просто необходимо, он взял шоколадную плитку, покрутил ее в руке и подошел к окну.

Под окнами росли кусты сирени, возле стоящей у беседки серой легковушки на лавочке сидел его личный водитель Володя Горячев и, нацепив на нос огромные очки, не спеша листал прошлогодний журнал «Огонек». Корнев уже совсем было собирался распечатать плитку, но вдруг застыл, дернулся и прильнул к окну.

Из-за кустов на большой скорости выскочил наполированный до блеска сто первый «ЗИС» и резко затормозил у крыльца. Молодой водитель в синем кителе со старшинскими погонами выскочил из машины и бросился было открывать дверь. Но не успел: пассажир уже вышел сам и, едва не сбив с ног своего шофера, поспешно направился к парадному входу. У Корнева перекопился рот, холодная капля пробежала между лопатками. Он аккуратно положил шоколад на подоконник и замер в полнейшем ступоре; про резь в животе он и думать забыл.

В себя подполковника привела громкая трель телефонного звонка. Корнев шагнул к столу, схватил трубку и рявкнул что было сил:

– Слушаю!

В трубке послышался перепуганный голос оперативного дежурного:

– Антипов! Сам! Промчался мимо меня сразу наверх! И ведь никто ж не предупредил. Что мне делать-то, товарищ подполковник?

Ничего не ответив, Корнев в отчаянии бросил трубку. Он запустил руку в свою густую шевелюру, закинул волосы назад и бросился к сейфу, на котором лежала его фуражка. На ходу подполковник застегнул верхнюю пуговицу, схватил фуражку, но, зацепившись за стол коленом, выронил ее из рук. Злосчастный головной убор покатился, словно горящее колесо на Ивана Купалу, и остановился у самого порога. Корнев бросился к двери, нагнулся и потянулся было к фуражке, но тут же отскочил, потому что дверь в этот момент распахнулась. На пороге стоял сам начальник Главного управления МВД области Антипов. Позабыв про фуражку, Корнев вытянулся и зычно прокричал:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

– И тебе не хворать, – буркнул Антипов.

Он подобрал подкатившийся ему под ноги головной убор, прошел в кабинет и, бросив фуражку на стол, уселся не в кресло, как это обычно бывало, а на диванчик у стены. Сердце Корнева бешено трепыхалось. Он все еще тянулся в струнку и нервно покусывал губы.

В Управлении городской милиции Антипова за глаза дразнили «солдафоном», боялись как огня, но по сравнению с начальником Главка его считали просто «дүшкой». В отличие от

Корнева генерал Антипов не воевал. Перед самой оккупацией города он был эвакуирован в Саратов, где продолжил борьбу с преступными элементами и пособниками врага. Тогда еще он занимал должность заместителя начальника Управления по оперативной работе, но вернувшись в родной город Псков в сорок шестом, занял самый высокий пост в системе МВД области. Несмотря на то что Антипову не пришлось поднимать в бой батальоны, этот генерал мало чем отличался от боевых командиров Красной армии, а своей жесткостью и требовательностью превосходил многих из них. За глаза его называли Грозным, сравнивая со всем известным Иоанном из династии Рюриковичей. Антипов одним росчерком пера мог снять с должности или уволить любого начальника, а мог и повысить какого-нибудь лейтенанта-выпускника и поставить сразу на майорскую должность.

Однако сегодня с Антиповым явно творилось что-то странное. Корнев заметил это, лишь только немного успокоился и пришел в себя. Про свою язву он и думать забыл.

– Ефимыч, у тебя выпить есть? – прохрипел Антипов, расстегивая верхнюю пуговицу кителя. Услышав столь неожиданную просьбу, Корнев сухо уточнил:

– Что, простите?

– Что, что! Выпить, говорю, есть? – Антипов достал из кармана портсигар, закурил сигарету, выпустил густую струю серого дыма и огляделся. Увидев удивленный взгляд Корнева, поморщился и нервно продолжил: – Да помню я, что ты не куришь! Если нет пепельницы, дай, что ли, какой-нибудь стакан, чтобы я тебе ковер не испачкал!

– Стакан? Зачем же стакан, есть у меня пепельница!

Корнев открыл ящик стола, достал припрятанную там хрустальную пепельницу, поставил ее на тумбочку возле генерала, потом быстрым шагом дошагал до сейфа. Армянский коньяк, подарок Сухова, он поставил на ту же тумбочку, мысленно похвалив себя за то, что так и не притронулся к шоколадке. Положив ее к коньяку, принес один из двух стоявший на подносе стаканов.

– Пепельницу нашел – молодец! А стаканов неси парочку, – выдохнув, процедил Антипов, наполнив посуду до краев. – Да-да! Не куришь – не кури, а выпить со мной ты сегодня просто обязан. Уж не обижай начальника.

Генерал залпом выпил свой коньяк, даже не посмотрев на плитку шоколада, которую Корнев уже успел разломить на кусочки. Подполковник закашлялся, у него вдруг запершило в горле, словно это не Антипов, а он, Корнев, выпил целый гра́ник янтарного напитка.

– Сегодня какой-то праздник? – поинтересовался подполковник, идя за вторым стаканом. Антипов лишь хмыкнул:

– Может, праздник, а может, и нет! – Он снова наполнил стакан, но уже на треть и снова опрокинул его одним махом. Корнев плеснул коньяку себе, выдохнул и медленно выпил. Горло обдало живительным жаром, резь в животе на время исчезла.

Антипов одобрительно кивнул и вылил в свой стакан все, что осталось в бутылке. Корнев, совсем уже успокоившись, искоса поглядывал на своего непосредственного начальника.

Антипов и впрямь не походил сам на себя. В эту минуту этот всегда верный своему делу блюститель правопорядка и ревностный слуга закона, сухой как мумия фараона и чем-то похожий на хищную птицу генерал выглядел подавленным и даже слегка испуганным. Обычно плотно сжатые губы его сегодня были слегка приоткрыты; ввалившиеся яблоки глаз, доселе сурово выглядывающие из-под выгнутых дугами бровей и режущие, точно скальпель хирурга, сегодня казались потухшими и совершенно пустыми. Весь облик Антипова словно кричал о том, что он чудовищно устал.

– Ну что, удивлен, что я к тебе вот так, без предварительного звонка? – слегка захмелевший генерал погрозил Корневу пальцем. – Да ты садись, садись, Ефимович! В ногах правды нет.

Корнев аккуратно присел, но не в свое кресло, а на один из стоявших вдоль стола стульев. Генерал выдавил хитрую улыбку и снова погрозил Корневу пальцем. Подполковник мучился догадками: что же случилось?

Антипов, словно угадав его мысли, перешел к сути:

- Ты вчерашние сводки читал?
- Так точно, товарищ генерал!
- Значит, про нападение на военный продсклад знаешь?
- А как же? – оживился Корнев. – Знаю, товарищ генерал.
- Что думаешь по этому поводу?

Корнев мысленно похвалил себя за то, что с утра ознакомился с оперативной обстановкой в городе и внимательно изучил новые сводки. Он встал и четко, по-военному, доложил:

– В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое мая несколькими неизвестными, предположительно тремя, произведено нападение на продовольственный склад войсковой части 3473. Злоумышленники проникли на территорию части через лаз в заборе и, оглушив часового, взломали замок складского помещения. Однако, судя по всему, между нападавшими произошла ссора, в результате чего случилась банальная поножовщина, двое из нападавших были убиты. Третий, совершив убийство своих поделщиков, скорее всего испугался и скрылся, ничего не прихватив со склада. В настоящее время личности убитых бандитов устанавливаются, ведется проверка.

Антипов фыркнул и схватил уже опустевшую бутылку из-под коньяка:

- Да сядь ты... чужак человек! О черт! А что, больше нет?
- Чего нет?
- Выпить, говорю, больше нет?

Корнев почувствовал, что краснеет, и виновато пожал плечами. Полчаса назад он отпустил свою секретаршу Леночку, так как у ее дочери поднялась температура. У Леночки в шкафу могли быть припрятаны на такие случаи и кофе, и коньячок, но запасного ключа от шкафа у Корнева не было. Степан Ефимович потянулся к телефону и собирался было озадачить кого-нибудь из дежурной части, но потом вспомнил о прохлаждавшемся под окнами Володе Горячеве. Он уже подался было к окну, но Антипов его опередил. Генерал открыл фрамугу и громко крикнул своему водителю:

– Саня! А ну сгоняй!

Послышался звук заведенного мотора. Антипов вернулся на свое место и закурил очередную сигарету. Сделав пару затяжек, он продолжил:

– Значит, сводку ты прочел! Это хорошо, только ты сам-то себя слышишь? Слышишь, что ты мне тут городишь?

– Не понял вас, товарищ генерал, – снова засуетился Корнев.

– Что «не понял»? Вон оно как у тебя все: «предположительно», «судя по всему», «скорее всего»... Не работаете ни черта! – начальник Главка хлопнул по тумбочке кулаком так, что едва не опрокинул стоявшие на ней стаканы. – Вот точно так же мне и этот мямлил...

– Извините, товарищ генерал, – Корнев снова напрягся. – Вы сейчас про кого?

– Да про следака этого, Богданова! Видишь тут какое дело. Ну, ты сам посуди: массовый голод послевоенных лет, в ряде районов все еще недоедают, катастрофическая нехватка продовольствия, а тут не просто бандитский налет на какую-нибудь продовольственную базу, а проникновение в воинскую часть! Это же ЧП районного масштаба! Часовому голову проломил плюс ко всему два трупа! Прокуратура, будь она неладна, тут же подключилась, возбудила уголовные дела и взяла все под свой контроль, как будто мы без них не справимся. Прислали теперь этого следователя...

– Так это он мямлил?

– Он! А кто же еще? А он мальчишка совсем. Хорошо хоть прокурорские разрешили по старинке подключиться нашим. – Антипов снова сник, схватился за пустую бутылку и выругался. – Ладно. Хватит вокруг да около! Просьба у меня к тебе, Ефимыч! Личная просьба!

Корнев снова вскочил и отчеканил:

– Что нужно сделать, товарищ генерал?

– Сейчас я для тебя Петр Дмитриевич, – поправил Антипов, – да расслабься ты, не вставай.

– Все понял! Слушаю вас, Петр Дмитриевич!

Корнев сел. Генерал нагнулся вперед и вдруг как-то весь сжался, точно еж:

– Есть у меня личный интерес в этом деле. Вот оно как. Дело это ко мне на стол попало, изучил, посмотрел я и не поверил своим глазам. Один из убитых, про которых ты говорил, – это Васька! Васька Малашин! Я его по фотографии узнал. Поначалу сомневался, а потом даже сам в морг съездил, на труп посмотрел. Я как его мертвого увидел, все мои сомнения исчезли.

Генерал потер глаза, прокашлялся и тяжело вздохнул.

– Простите, а кто такой этот Васька? – уточнил Корнев.

– Васька Малашин? Да пацаненок один – сосед наш. Мы с его родителями до войны в одном дворе жили. Куда родители Васькины делись, я не знаю, но знаю, что с Егоркой моим они лучшие друзья были. Потом вместе в школу милиции пошли, потом в одном и том же райотделе служили и пропали в один и тот же день в сорок первом.

– Егор – это, если я вас правильно понял, ваш сын?

– Правильно ты понял!

В этот момент в кабинет вбежал водитель Антипова и выставил на стол две бутылки коньяка, положил лимон, пару яблок, кольцо «Краковской» колбасы. И исчез.

– Ну Санек... ну молодчина! – обрадовался Антипов и поманил Корнева: – А ну, налетай!

Только сейчас начальник милиции почувствовал новый приступ и вспомнил про свою злосчастную язву. А чего он и вправду теряется?

Степан Ефимович подошел к столу, порезал лимон и колбасу, махнул полстакана принесенного генеральским водителем коньяка. Лимон он предусмотрительно отодвинул в сторону и набросился на «Краковскую».

Еда, точно бальзам, обогрела его ноющее нутро. Корнев почувствовал, как боль в животе постепенно утихает. От удовольствия он даже закрыл глаза.

– Ну вот, совсем другое дело, Ефимыч! – усмехнулся Антипов. – Так что? Возьмешься мне помочь?

– Как я должен вам помочь? Если я правильно понял, ваш сын пропал в сорок первом при исполнении...

– Они с Васькой Малашиным отправились на выезд, и оба пропали! А случилось это в июле сорок первого, в тот самый день, когда город был занят немцами. Тогда всю эвакуация шла, сам помнишь, что творилось.

– Ваш Егор и этот Малашин выехали на место происшествия и не вернулись. А что тогда случилось? С какой целью они выехали?

– Да не знаю я! В том-то все и дело. Нас еще за день до этого спешно эвакуировали. Егоркин райотдел должен был на следующий день убыть, но не успел. Мы ведь с сыном даже попрощаться не успели.

– Если в такой суматохе на место выехал наряд, получается, что там что-то серьезное случилось, – Корнев задумался. – Значит, вы хотите, чтобы мы не только разобрались с нападением на склад, но и попробовали выяснить, куда могли подеваться Егор и этот Малашин. Надеюсь, фотографии Егора сохранились?

– Да в том-то и дело, что нет! Я ведь тогда все бросил, спешка была жуткая, потом дорога. Нашу колонну на самом выезде «мессеры» обстреляли, пожар начался, ужас что творилось. Так что про фотографии в тот момент думать не приходилось.

– А фото этого Малашина имеются?

Антипов хмыкнул:

– Только те, что сделали вчера, но там он мертвый! Убит ударом острого предмета прямо в сердце.

– Понимаю. Значит, этот Малашин, как вы утверждаете, был одним из тех, кто напал на продовольственный склад?

– Ну, так а я о чем тебе уже полчаса талдычу?

– А вы понимаете, что если ваш сын выжил, то он тоже может...

– Чушь! Мой Егор не грабитель и не убийца! Просто если Васька в сорок первом не погиб, то, возможно, и мой Егор жив!

– Понимаю, – Корнев, в отличие от генерала, явно не ощущал подобной уверенности. – И вы хотите, чтобы к делу подключились мои сыскари?

– Верно, – Антипов налил себе еще, потом поморщился и поставил стакан на стол. – О черт! Мне, похоже, уже хватит! Так вот: я тебе уже говорил про следователя, который ведет это дело. Сопливый мальчишка, только после учебы, опыта – ноль! Ефимыч, я тебя прошу, пусть делом займется кто-то такой, кому и я, и ты можем полностью доверять, кому по силам довести это дело до конца! Ты же знаешь, что мои жена и дочь умерли в блокаду, а Егорка пропал. Один я совсем остался, так же как и ты, а теперь у меня появилась надежда.

– Понимаю, – Корнев опустил голову и вспомнил своих жену и двух сыновей, погибших в концлагере «Кресты» под Псковом.

– Я хочу, чтобы твой самый опытный опер подключился к расследованию и фактически возглавил его! – Антипов застыл, в его обычно суровых и властных глазах сейчас можно было видеть волнение и неуверенность.

– Я все понял...

– Так что, есть у тебя такой опер – настоящий «волкодав», который не спасует и доведет это дело до конца?

Брови Корнева сдвинулись, с минуту он что-то прокручивал в голове.

– Так что, есть или нет? – генерал начинал нервничать, и Корнев решил:

– Есть тут у меня один, этот ни перед чем не спасует!

Корнев взял трубку телефона и, услышав голос оперативного дежурного, твердо распорядился:

– Корнев у аппарата! Немедленно отыщите мне Зверя!

Глава 2

Корнев распрощался с начальником Главка и вздохнул с облегчением, но на душе у него все еще скребли кошки. Перед убитием Антипов приказал ежедневно докладывать ему о ходе расследования, и это никак не радовало подполковника. Антипов не сказал, в какой форме нужно докладывать. А что, если генерал захочет, чтобы ведущий расследование оперативник докладывал ему о результатах лично? Степан Ефимович прекрасно понимал, что такое развитие событий может иметь весьма печальные последствия, прежде всего для него самого и его карьеры.

Генерал Антипов был мужчиной суровым. Поэтому, поручив расследование, связанное с поиском Антипова-младшего, своему старому приятелю Пашке Звереву, Корнев рисковал нарваться на неприятности.

Капитан Зверев имел в Управлении весьма сомнительную репутацию. Павел Васильевич, не так давно занявший место начальника оперативного отдела Псковской милиции, слыл человеком ветреным и не очень дружил со служебной дисциплиной. Зверев, которого большинство сотрудников Управления за глаза называли Зверем, был человеком импульсивным, хамоватым и жестким, к тому же считался настоящим бабником, не пропускавшим ни одной юбки. Однако даже недруги Зверева в Управлении считали его лучшим специалистом своего дела.

Степка Корнев и Пашка Зверев, невзирая на их абсолютную непохожесть, сошлись еще в ранней юности. Оба – воспитанники детдома на Интернациональной, оба окончили Томскую школу милиции, потом ловили жуликов в одном и том же райотделе, вместе отправились на фронт. Правда, служили в разных местах и по-разному.

Степан Корнев прошел всю войну и вернулся комбатом моторизованного батальона и кавалером двух орденов. Пашка же в армии сильно не отличился, в смысле не отличился в карьерном плане. И связано это было с главной слабостью Зверева, а именно все с тем же его равнодушием к прекрасному полу. Получилось так, что Зверев вместе с одним высокопоставленным полковником положили глаз на одну и ту же зеленоглазую красавицу медсестру. Девушка оказалась довольно бойкой и не смогла отказать ни тому, ни другому, и в результате разразился настоящий скандал, связанный с рукоприкладством. Дело закончилось тем, что полковник попал в санчасть со сломанной рукой, а Зверева чуть не разжаловали в рядовые и не отправили в штрафбат.

Пашку спасла сложная обстановка на фронтах. Комдив Зверева готовил наступление и решил замять дело. Командиру пехотного взвода старшему лейтенанту Звереву вкатили строгача, а спустя некоторое время быстренько перевели в другую часть. Зверева это не особо печалило, так как он попал служить в разведку, а это по-настоящему увлекло его, и он на время, а точнее, до самого конца войны, позабыл про женщин. Но только до конца войны...

* * *

Эту ночь Паша Зверев, как это частенько бывало, провел не дома. Успешно завершив очередное расследование, связанное с квартирной кражей, он вместо того, чтобы вернуться домой и как следует выспаться, направился в кафешку с забавным названием «Соломка» на Советской.

Отчего заведение называлось именно так, Павел Васильевич не знал, да и не особо из-за этого печалился. Здесь прилично кормили, да и контингент был, говоря соответствующим языком, не самый задрипанный. Несмотря на то что Зверев в последние дни питался как попало, он решил не набивать желудок сосисками и котлетами и заказал бутылочку самого лучшего коньяка, лимон и зеленые яблоки. Именно их он считал лучшей закуской к янтарному напитку.

Выпив грамм сто пятьдесят и съев четвертинку яблока, Павел Васильевич ощутил самое настоящее блаженство. Почувствовав себя отдохнувшим, он огляделся по сторонам и увидел то, что так хотел увидеть. Миловидная блондинка со стрижкой каре в голубой блузке и белой плиссированной юбке скучала неподалеку. Приглядевшись, Зверев заметил, что молодая женщина тоже нет-нет да и поглядывает в его сторону. Павел Васильевич одарил очаровательную соседку улыбкой и уже спустя десять минут угощал ее коньяком.

Девушку звали Лариса, и их случайное знакомство двигалось вперед семимильными шагами. Зверев, каким-то только ему одному известным способом, сумел разглядеть в Ларисе утонченную натуру и поэтому долго рассказывал случайной знакомой о французских импрессионистах и даже прочел наизусть «Благословенный час» и «Аллегорию» Верлена¹. Потом они заказали еще коньяку, и получилось так, что эту ночь Зверев провел у Ларисы.

Утром, по своему обыкновению, Зверев опоздал на работу. С утра он так спешил, что даже не позавтракал и поэтому с трудом дождался обеда. В столовой он наконец-то дорвался до еды и побаловал себя холодной окрошкой и шницелем с гречкой. После этого прогулялся по скверу, чтобы немного развеять гудящую от недосыпа голову и растряссти содержимое желудка.

С обеда Зверев опоздал всего на каких-то сорок минут, поэтому не испытывал ни малейших угрызений совести. Когда дежурный на КПП сообщил Павлу Васильевичу, что его разыскивает Корнев, Зверев скривил лицо, ожидая очередной нудной лекции о необходимости поддержания служебной дисциплины. Однако когда Зверев ввалился к подполковнику в кабинет и разлегся на кожаном диване из красного дерева, понял, что разговор с начальством предстоит серьезный.

Оказывается, Корнев и не думал его воспитывать. Дождавшись, когда Зверев усядется на свой любимый диван, подполковник расположился рядом и начал издалека.

– Все еще не отошел от вчерашнего? – довольно мягким тоном поинтересовался Корнев. – Может, чайку?

Брови Зверева выгнулись, на его лице промелькнуло удивление:

– Снова запутанное дело?

– А как ты догадался?

– Обычно ты сначала орешь как бешеный, а уж потом к делу переходишь! А сейчас даже чай предложил! За чай спасибо, не откажусь. Правда, я только что из столовки, но одно другому не мешает. Мне покрепче и с двумя кусочками сахара.

Корнев заскрежетал зубами.

– Не нуди, рассказывай, что там у нашего генерала случилось.

– Значит, ты уже в курсе, что он был здесь?

– Дежурный сказал! А вот то, что вы тут с ним алкоголь распивали, не сказал. Не дуй щеки, просто от тебя хорошим коньяком пахнет.

Корнев нервно поерзал на стуле и вытер ладонью губы.

– Тебе коньяк предлагать не стану, даже не надейся, ты мне сегодня трезвый нужен. А как ты догадался, что у Антипова серьезное дело?

– Стал бы он с тобой тут просто так бражничать. Давай рассказывай, что стряслось!

Корнев кратко поведал Зверю о нападении на военный склад и о личной просьбе генерала. Зверев слушал молча, выкурив при этом две сигареты. После этого он, позевывая, сказал, что готов заняться этим делом, и потребовал в свое распоряжение автомобиль. Получив согласие начальника, Зверев театрально приложил руку к козырьку и вальяжно вышел из кабинета.

¹ Поль Мари́ Верле́н – французский поэт-символист, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

Глава 3

Спустя несколько часов Зверев в сопровождении молодого опера Костина уже ехал по набережной в сторону Любятова, где располагалась нужная им войсковая часть. Володя Горячев, личный шофер Корнева, сидел за рулем и смачно дымил сигаретой. Веня Костин – протеже и правая рука Зверева – сидел справа от водителя и разгадывал кроссворд. Зверев устроился сзади и, откинувшись, мирно посапывал с полуприкрытыми глазами. Его слегка мутило, и не только от выпитого накануне коньяка.

Перед тем как ехать в воинскую часть, они побывали в городском морге, где Зверев внимательно изучил тела напавших на склад грабителей. Сейчас он обдумывал увиденное накануне, и перед ним как живой стоял жилистый носатый мужчина в окровавленном грязном халате и огромных круглых очках. Патологоанатома звали Геннадий Карлович.

– Вот первая жертва, – патологоанатом снял окровавленную простыню с трупа.

Костин, стоявший за спиной Зверева, тут же нагнулся над трупом. Сам же Зверев разглядывал мертвеца, не приближаясь к нему.

На каталке лежал настоящий великан – широкие плечи, бычья шея и выдвинутый вперед подбородок. На шее мертвеца виднелась отчетливая тонкая линия, покрытая загустевшей кровью. На груди здоровяка были наколоты несколько остроконечных куполов и парящий над ними ангел.

– Личность убитого до сих пор не установлена, – заявил Геннадий Карлович. – Чуть больше сорока, судя по наколкам, этот гражданин принадлежит к криминальному миру. Причиной смерти стала потеря крови, случившаяся в результате повреждения левой сонной артерии и дыхательных путей.

– Догадаться, что ему горло перерезали, не очень трудно, – подытожил Зверев. – Еще какие-нибудь повреждения на теле имеются?

– Искривленная переносица, многочисленные сросшиеся переломы кистей рук и ребер, но это все старые раны. Похоже, этот парень любил пускать в ход кулаки и делал это регулярно.

– То есть кроме перерезанного горла никаких свежих повреждений на теле не обнаружено?

– Ни единого синячка!

Зверев нагнулся к телу и задал очередной вопрос:

– У него грязные руки! Пальцы исцарапаны и под ногтями грязь. Что это?

– Ваши криминалисты уже брали пробы из-под ногтей, но я и без экспертизы скажу, что это самая обычная земля, – сообщил Геннадий Карлович.

– Еще есть что добавить?

– Больше ничего, разве что нож, которым перерезали горло бедняге, был очень острый.

– Показывайте второго.

Патологоанатом подошел к очередной каталке и снял простыню со следующего мертвеца. Взору оперативников предстал худосочный мужчина с тонкой шеей и довольно крупной головой. На мертвеце не было видно внешних повреждений, и лишь пригнувшись, Зверев заметил маленькую красную точку чуть повыше левого соска.

– Этому вогнали в самое сердце что-то очень тонкое, – сообщил Геннадий Карлович.

– Заточка? – осмелился предположить Костин.

– Я бы не исключал шило или даже вязальную спицу. Так же как и в первом случае, прочих повреждений не наблюдается. Мне говорили, что он пытался ограбить склад, но заметьте, что в отличие от здоровяка у него никаких наколок нет – значит, он не из воров и не блатной. Руки без стертостей и мозолей, примерно такие же, как у вас или у меня. Так что он и не работяга.

– И кто же он, по-вашему?

– Говорю же, он имел такую же профессию, как вы или я.

– Хотите сказать, что он был патологоанатомом? – улыбнулся Зверев.

Геннадий Карлович хмыкнул:

– Не исключено. Так же как и то, что он мог быть милиционером.

Случайная догадка Геннадия Карловича, подтверждавшая версию генерала Антипова, заставила Зверева напрячься. Он еще раз мысленно прокрутил в голове все, что узнал об этом парне со слов генерала: «Этот худой – Васька, Василий Малашин, лейтенант милиции, друг и сослуживец Егора».

Или все-таки начальник Главка ошибся?

* * *

Машина свернула на Речную и остановилась на красный сигнал светофора. Когда загорелся зеленый, Горячев включил передачу, газанул и вдруг что было сил дал по тормозам.

– Чтоб тебе! – гаркнул Горячев так, что разбудил Зверева, а Костин выронил карандаш и едва не расшиб себе нос о лобовое стекло.

– Вот дурища! Еще бы чуть-чуть – и ты бы ее по асфальту раскатал! – воскликнул возбужденный Веня, вытирая вспотевший лоб. – Разве ж можно так под колеса бросаться!

Горячев уже выходил из машины. Веня тоже открыл дверь, рванулся, но, почувствовав на своем плече железные пальцы Зверева, остался сидеть на месте.

– Кто там? – поинтересовался Зверев.

– Девица! Выскочила на красный, думала проскочит, хорошо, что наш Володя – настоящий ас, – ответил Веня, шаря под сиденьем в поисках оброненного карандаша.

– Девица, говоришь?

– Угу, девица, – просипел Веня.

– Красивая? – не унимался Зверев.

– Да кто ж ее знает?

– Так нужно узнать!

Зверев моментально оказался возле машины и неспешно направился к Горячеву, который возвышался над симпатичной девушкой в зеленой блузке и с ленточкой, вплетенной в толстую косу.

Разгневанный водитель размахивал руками, ругался на чем свет стоит, правда, использовал при этом исключительно нормативную лексику. Девушка стояла, опустив голову, ее щеки пылали огнем, глаза часто моргали, а очаровательный носик морщился. Дрожащие губы при этом лепетали робкие извинения.

На вид нарушительнице правил дорожного движения было лет двадцать пять. Не то чтобы красавица, но довольно милая. Стройная, одета скромно, но со вкусом. «Скулы чуть широковаты, но ее это не портит», – отметил про себя Зверев и одобрительно кивнул. В руках у девушки был сверток, перевязанный тонким шпагатом, она прижимала его к груди, точно любящая мать младенца.

Зверев приблизился и совершенно беззлобно спросил:

– Сильно испугалась?

Девушка обернулась, глаза ее, казалось, молили о спасении. Зверев улыбнулся так, как умел улыбаться только он.

– Павел Васильевич! Да что ты такое говоришь? Испугалась она! А я как испугался! – проговорил обиженный Горячев.

Зверев обнял водителя за плечи и тихо прошептал ему в ухо:

– Иди покури, Володя. Все ведь хорошо закончилось: все живы, а это – главное! Ты, кстати, в очередной раз проявил себя, Корнев умеет подбирать себе кадры. Володя, ты лучший водитель из всех, которых я знал, а Корневу я непременно расскажу при случае, как ты своим умением и мастерством спас безвинное создание столь приятной наружности.

– Да как же так... – попробовал возразить Горячев, у которого все еще kloкотало в груди, но Зверев легонько подтолкнул водителя к машине:

– Иди, Володя, иди! Заодно проверь, цела ли машина, а с нашей новой знакомой я сам все улажу.

Горячев махнул рукой, подошел к своему авто и, недовольный, плюхнулся на водительское сиденье.

– Спасибо вам! – сказала девушка, когда водитель удалился.

И тут незнакомка в первый раз по-настоящему улыбнулась. Зверев до сих пор был уверен, что так наивно и мило могут улыбаться только дети.

– Мне спасибо, а за что?

– За то, что вы спасли меня от этого злобного дядьки! Я понимаю, что виновата, но чего же так кричать-то? Ну задумалась я, просто очень спешила.

– Этого ужасного дядьку зовут дядя Вова, – поучительно сообщил Зверев. – Он, кстати, лишь на пару лет старше меня. Получается, вы и меня считаете дядькой?

Девушка прыснула со смеху.

– Нет! Что вы! Вы совсем не дядька! Вы... Меня Александрой зовут. Можно просто Саша! – Она протянула Звереву тоненькую изящную ладошку. От бывшего испуга не осталось и следа.

– Павел! – Зверев пожал протянутую руку. – Можно просто Паша.

– Да я уже поняла, что Паша... – девушка прикусила губу. – Ой, а я ведь и впрямь очень спешу!

– Простите, а куда?

– В больницу на Коммунальную! Я маме лекарства везу! Ей операцию нужно делать, а в больнице нужных препаратов нет, а я вот отыскала. Если не успею к одиннадцати, операцию могут перенести.

Зверев понимающе кивнул и посмотрел на часы. До назначенной встречи оставалось всего полчаса, а на Коммунальную пилить минут двадцать не меньше. Если они повезут девушку в больницу, то наверняка опоздают. Корнев лично договорился о встрече с командиром части и попросил не опаздывать, ссылаясь на то, что у командира жесткий характер и он ждать не любит. Зверев раздумывал недолго:

– Садись на заднее, отвезем тебя к маме в лучшем виде!

До больницы они добрались за семнадцать минут. Горячев всю дорогу скрипел зубами, а Костин понимающе уткнулся в кроссворд и не поднимал головы.

У больницы они попрощались.

– А мы с вами еще увидимся?

– Возможно... когда-нибудь, – Зверев пожал плечами.

– Увидимся! Обязательно увидимся!

Прежде чем взбежать по лесенке и исчезнуть в здании больницы, новая знакомая подскочила к машине, выхватила у Костина карандаш и книжку с кроссвордами, написала что-то на одном из листов, оторвала его и вручила Звереву. – Это мой телефон! Обязательно позвоните!

– Вы действительно этого хотите? – уточнил Зверев.

– Очень хочу! Вы мне очень помогли, если бы не вы...

– Поблагодарить меня можете и сейчас!

– А я и благодарю! Но вы все равно позвоните!

– А зачем?

Девушка по-детски улыбнулась, в ее глазах сверкнули искорки:
– Потому что вы мне понравились!

Часть вторая

Погребняк

Глава 1

Пока они ехали в часть, Горячев, прекрасно понимая, что они опаздывают, соблюдал скоростной режим, останавливался при любой возможности и демонстративно молчал. Веня немного суетился и то и дело поглядывал на часы. Зверев же олицетворял собой полнейшее спокойствие. Он снова развалился на заднем сиденье и предавался раздумьям.

Они опоздали на полчаса. Когда Зверев с Костиным, оставив продолжавшего дуться Горячева в машине, вошли в кабинет командира части полковника Селезнева, лицо последнего походило на гипсовую маску.

– Вы опоздали! – процедил полковник, светловолосый мужчина средних лет с холодными рыбьими глазами. – Своим подчиненным я бы такое не спустил!

– К счастью, мы не ваши подчиненные, – бесцеремонно ответил Зверев.

Лицо полковника побагровело, губы сжались, и лишь холодные глаза по-прежнему ничего не выражали.

– Я сообщу вашему руководству о вашем опоздании и о вашем бестактном поведении! Если бы не личная просьба генерала Антипова предоставить вам доступ к месту происшествия, я бы вышиб вас за территорию части с треском.

– Когда много трещат, но мало делают, дело обычно не движется! Так что давайте приступим к делу.

– Что вы себе позволяете... как вас там?

– Капитан милиции Зверев... Павел Васильевич! Псковское управление милиции!

– Я не шучу! Я сегодня же расскажу о ваших выходках Антипову!

– Рассказывайте все, что пожелаете... кому угодно и что угодно! Мы пришли сюда работать, так давайте не будем терять время. Где-то тут у вас нас должен ожидать следователь прокуратуры, ведущий дело о проникновении на склады и об убийстве двух неизвестных граждан...

– Вы хотели сказать – двух грабителей? – прошипел полковник.

– Разве вас ограбили? Насколько я знаю, на складе ничего не пропало! Так что пока эти граждане не могут называться ворами или грабителями. Их убили, следовательно, они пока что будут именоваться потерпевшими. Моя задача узнать, с какой целью они сюда проникли и кто их убил, – спокойно пояснил Зверев. – Где мне найти следователя?

Селезнев проскрежетал зубами, потом позвонил дежурному по части, наорал на него и велел прислать кого-нибудь сопроводить неприятных ему визитеров.

* * *

Выйдя из штаба, они повернули налево, миновали плац, который энергично мелі двое стриженных бойцов, прошли мимо столовой, гаражных боксов и вышли к складам. По левую сторону асфальтовой дорожки, обрамленной недавно побеленным бордюром, находился склад горюче-смазочных материалов, справа – оружейный и вещевой склады. Продовольственный склад располагался между санчастью и баней, метрах в десяти от увенчанного колючей проволокой деревянного забора.

Когда Зверев с Костиным в сопровождении помдежа подошли к одноэтажному строению с темно-зелеными дощатыми стенами и односкатной крышей, их встретили двое: худощавый паренек в пиджаке и кепке и облаченный в военную форму со старшинскими погонами толстяк. Увидав оперов, паренек быстрым шагом двинулся им навстречу.

– Богданов... Вадим Петрович, областная прокуратура, юрист 3-го класса, – с важным видом представился следователь и протянул руку сначала Звереву, потом Костину. Голос у следователя был хриплым.

– Прямо так уж и Петрович? – ухмыльнулся Зверев.

– Ну, можно просто Вадим... если вы так хотите.

– А я – Зверев! Капитан Зверев, а это Вень, Вениамин Костин... Можно просто Венечка! – подражая голосу Богданова, пропищал Зверев.

– Я Вениамин! Вениамин Игоревич, – процедил Костин, который злился на своего начальника, когда тот называл его Венечкой.

– Пока не нарыл ничего, ты снова для меня Венечка, право называться Вениамином ты пока еще не заслужил, – заявил Зверев и обратился к молодому следователю: – А ты чего сипишь? Простыл?

– Да нет! Я всегда так говорю. Хотя сегодня и впрямь голос сорвал, пока с этим вот ругался, – прошептал Богданов, кивнув на старшину.

– Понятно, – хмыкнул Зверев.

Все трое приблизились к толстяку.

– Начальник продовольственного склада старшина Погребняк! – представился начпрод.

Он снял фуражку, протер носовым платком вспотевшую лысину и отвернулся. Зверев приложил руку козырьком, осмотрел окрестности и задержал взгляд на вышке, где нес службу вооруженный винтовкой часовой.

– Он круглые сутки тут стоит?

– Эта информация относится к сведениям, составляющим военную тайну, – глядя в сторону, нудно ответил Погребняк.

Зверев нахмурил лоб, его щека несколько раз дернулась, голос заметно похолодел:

– А ты чего такой борзый, старшина? Разве ваш командир не приказывал вам оказывать нам полное содействие?

– Он велел показать вам место происшествия и предоставить всех очевидцев, а докладывать чужим о способах охраны части он мне не приказывал.

Зверев хмыкнул: «Очевидно, Селезнев уже успел дать указание этому борову, чтобы он не сильно напрягался, помогая нам».

– Этот часовой охраняет оружейный склад. Он несет службу на вышке, раз в полчаса спускается и делает обход периметра, – примирительно ответил своим сиплым голосом Богданов.

Зверев вопросительно посмотрел на Погребняка: тот стоял со скучающим видом, по-прежнему глядя в сторону.

– Если часовой охраняет оружейный склад, кто же тогда охраняет остальные склады? – спросил Зверев.

– Днем здесь никто не охраняет, а в ночное время сюда тоже ставят часового.

– Ставят горшок в печку, деревня, – фыркнул Погребняк, – а часового выставляют!

Богданов зло посмотрел на старшину, но сдержал себя.

– Выставляют часового! Он патрулирует территорию, прилегающую к вещевому и продовольственному складам, а также обеспечивает охрану ГСМ.

– Чем он вооружен?

– Винтовкой.

– Значит, часового оглушили, но винтовку не тронули. Я тебя правильно понял?

– Все так, товарищ капитан!

– Это тебе этот сказал? – указав на Погребняка, спросил Зверев. – Молодец, Вадик, умеешь ты военные тайны выпытывать, тебе бы в контрразведке служить.

Зверев косо посмотрел на Погребняка: тот продолжал стоять с безучастным видом.

– Хорошо, раз товарищ старшина не желает нам помогать, то все вопросы я буду задавать тебе, Вадик. Согласен?

Богданов кивнул.

– Итак, как я понимаю, это единственная дверь, ведущая в помещение.

– Так и есть, тут даже окон нет, только вентиляционные отверстия.

– Следовательно, солдатик, который стоит на вышке, со своего поста не видит, что происходит перед складами?

– Однозначно! Ночью здесь горят фонари, все вокруг видно, а что творится перед складом, часовому, стоящему на вышке, не видно. Именно поэтому в ночное время здесь и стоит второй часовой. Его-то злоумышленники и оглушили, прежде чем взломать дверь.

– А чем взломали?

– Думаю, что у них был с собой обрезок трубы, ломик или фомка. Этим же орудием они могли и оглушить часового.

– Фомку нашли?

– Нет! Думаю, преступник унес ее с собой. На месте преступления был обнаружен нож. Перед тем как прибыть сюда, я зашел к нашим экспертам: на ноже есть четкие отпечатки.

– Бьюсь об заклад, что на ноже отпечатки Малашина! – предположил Зверев.

– Какого еще Малашина?

– Есть основания считать, что фамилия одного из убитых грабителей – Малашин.

– Здорово же вы работаете! – восторженно выкрикнул Богданов. – Я все ноги истоптал, всю голову сломал, а так и не смог установить личности потерпевших, а вы уже их фамилии знаете!

Зверев посмотрел на Костина, тот, усмехнувшись, отвел глаза.

– Не все личности, а только этого шуплого, – уточнил Зверев. Он еще не решил, стоит ли говорить Богданову, что фамилию худощавого им сообщил сам Антипов.

– Получается, что этот ваш Малашин убил здоровяка, а третий преступник прикончил его самого! Выживший грабитель ничего не украл, а фомку и свое оружие унес.

– Насколько я понимаю, оружие в виде шила или спицы не нашли? – продолжал рассуждения Зверев.

– Нет! Ничего подобного тут нет, я сам излазил всю округу, – с отчаянием сообщил Богданов.

– Ладно, с этим пока хватит! Давайте посмотрим, как преступники проникли на территорию части.

– Идите за мной, – следователь снова засуетился. – Это там за складами. Там в заборе был проломлен лаз, думаю, что эту дыру выломали не грабители, а местные бойцы, чтобы бегать в самоволку.

– Логично! – на ходу согласился Зверев и, увидев, что Погребняк замешкался, прикрикнул: – Пойдем, пойдем, старшина! Раз не желаешь отвечать на мои вопросы, хоть поприсутствуй. Может, со временем и разговоришься.

Толстяк все с той же кислой миной, прихрамывая, потопал за операми.

– Что с ногой-то? – поинтересовался Зверев.

– Оступился, – буркнул начпрод.

Они обогнули склад и вышли к поросшему кустарником забору.

– Вот здесь они пролезли! – пояснил Богданов, указывая на ровненький, свежевыкрашенный забор.

– Так тут же нет никакого лаза! – нахмурился Зверев и вопросительно посмотрел на Погребняка.

– Заделали лаз! – ответил тот. – А вы как думали? Столько уж времени прошло. Неужели мы в своих заборах должны дыры оставлять? Тут тебе не обычная овощебаза, а охраняемый военный объект.

– Ну, в прошлый-то раз на ваш объект эти трое без особого труда залезли.

– Больше не залезут, – процедил Погребняк.

– Судя по всему, нашему толстяку основательно влетело от Селезнева за то, что он вверенное имущество чуть не профукал, – пригнувшись к Звереву, тихо прошептал следователь. – Они тут, похоже, от одного его имени трясутся.

Они вернулись к продскладу. Погребняк нехотя открыл замок и впустил оперативников внутрь.

* * *

На складе был идеальный порядок. Всюду инвентарные номера, ровненькие бирки. Коробки с консервами и тушенкой ровными рядами лежали на полках, мешки с крупами были уложены штабелями.

Зверев пристально разглядывал помещение.

– Чистенько тут у тебя, старшина.

– А ты как думал? – старшина довольно хмыкнул. – Мы тут работаем, а не штаны протираем.

– А кто первый обнаружил проникновение и трупы?

– Старший сержант Дудоров, начальник караула.

– Надо будет с ним встретиться.

– А чего с ним встречаться? Спрашивай у меня. Ладно уж, отвечу на твои вопросы, – заметно подобрев после комплимента, ответил толстяк. – Я ведь тогда почти сразу вслед за ним прибежал. Правда, убийцы к тому времени уже и след простыл.

– А точно ничего не пропало? – засомневался Зверев.

– Ни одной баночки, ни одного кусочка сахара – я лично все проверил.

– То есть после нападения все здесь было так же, как и сейчас, – полный порядок?

– Один в один, только пол был в крови и трупы лежали. Вот здесь, – Погребняк указал на центральный проход.

– Здесь произошло два убийства, а в пылу борьбы злоумышленники даже не опрокинули ничего, не разбили и не перевернули. Странно все это, а ведь один из убитых был довольно крупный мужчина. Неужели он так запросто дал себя убить?

Погребняк пожал плечами:

– Ну, я не знаю, а вот то, что все на месте лежало, – так это точно.

– Странно. Очень странно...

– Да ничего тут странного! – вмешался Богданов. – Трое преступников проникли на территорию через лаз в заборе. Один из них как-то отвлек часового, а другой подкрался к нему сзади и оглушил ударом ломика. Потом они взломали замок и проникли внутрь. Возможно, увидев все эти богатства, они совсем потеряли голову и стали ссориться. Щуплый, подскочив сзади, перерезал голову здоровяку, а третий, про которого мы ничего не знаем, вогнал в сердце щуплого шило. Потом он испугался и убежал. По-моему, неплохая версия!

– А что часовый, которому голову проломили, он что говорит?

– Утром беседовал с его врачом. Операция прошла успешно. Он сейчас без сознания, но жить будет.

– Это хорошо. Итак, – Зверев подвел итог: – Тебя я понял, Вадик, а теперь я хочу пообщаться с начальником караула, обнаружившим тела. Товарищ старшина, вы говорили, что ваш командир приказал предоставить нам возможность пообщаться со всеми свидетелями происшедшего. Где я могу увидеть начальника караула, который обнаружил тела?

Погребняк посмотрел на часы:

– Ладно уж, – он снисходительно буркнул. – Сейчас его вызовут.

Старшина подошел к телефону, кому-то позвонил. Минут через десять-пятнадцать к дверям продсклада подбежал крепкого вида старший сержант в новенькой гимнастерке и пилотке. Пока он шел, Зверев отметил, что парень немного прихрамывает. Подойдя ближе, Дудоров вопросительно посмотрел на начпрода, тот представил Зверева:

– Вот... капитан из городской милиции! Отвечай на его вопросы.

Старший сержант кивнул Звереву и небрежно козырнул.

– Давай рассказывай, – строго сказал Зверев. – Только не вздумай врать, а то знаешь как все может обернуться?

Дудоров испуганно посмотрел на начпрода:

– А я что? Я не утаиваю ничего...

– Хромаешь почему?

– Так оступился! Вот только что! К вам спешил и оступился...

– Рассказывай, как обнаружил трупы, – продолжал Зверев.

– Часовой, рядовой Тимошкин, должен был докладывать каждые полчаса, а тут вдруг от него ни слуху ни духу, я и решил проверить что к чему. Все по инструкции!

– Докладывал Тимошкин по этому телефону? – Зверев указал на висевший у входа аппарат.

Дудоров кивнул и продолжил:

– Доклада нет и нет, я и заволновался! Позвонил на оружейный склад, часового, рядового Блинова, спрашиваю, видел ли он Тимошкина? Он говорит, что давно не видал. Я решил, что этот салабон уснул на посту. Не стал я никого будить, сам решил его пропесочить, благо тут рядышком совсем. Прибежал сюда, смотрю, а тут такое... Я как все это увидел, чуть не поседел. Вот, старшине Погребняку позвонил, он через пару минут прибежал. Я в это время еще дежурному офицеру позвонил, а тот сразу Селезневу докладывать стал.

– Посреди ночи?

– Ну да. На кой ляд ему было посреди ночи командира будить? Ведь не украли же ничего.

– Да уж... а два трупа на территории – это так, мелочь! – усмехнулся Зверев.

– Ну да! Ну, то есть нет, конечно...

– Молчи уж! – рявкнул на начкара Погребняк.

Зверев вскинул руку, знаком попросил всех замолчать. Потом наклонился.

– А что вы ищете? – поинтересовался Богданов.

– Здесь везде асфальт и зеленая трава, а я ищу взрытую землю, – ответил Зверев.

Он еще раз обошел все склады, внимательно глядя на газоны и прилегающие кусты. Потом прошел на склад, сел на корточки и внимательно изучил пол. После этого он вернулся к остальным и попросил всех пройти на склад.

– Дудоров, где, ты говоришь, лежал здоровяк, которому перерезали горло?

– Вот здесь! – Старший сержант указал место между полками, на которых лежали плотно уложенные коробки.

– Встань сюда, – приказал сержанту Зверев. – Встань и не оборачивайся.

Дудоров неуверенно выполнил требование сыщика.

Павел Васильевич отвел в сторону Богданова и что-то ему прошептал. Тот сначала с недоумением посмотрел на Зверева, потом тихо прокрался к стоявшему между стеллажами сержанту, бросился ему на спину и попытался ухватить за голову.

– Вы что, вашу мать, делаете! – взревел Дудоров, рванулся и стряхнул с себя следователя как кутенка. При этом он задел один из стеллажей, две коробки упали, по полу покатались банки с тушенкой.

– Ты что делаешь! Что за фортели вы мне тут устроили? – заорал Погребняк и двинулся на Дудорова с кулаками.

– Так это он же на меня... – сержант испуганно отскочил от старшины.

– Это был следственный эксперимент, – спокойно пояснил Зверев и обратился уже к Богданову: – Вадик, ты успел перерезать ему горло?

– Не успел, – ответил тот виновато. – Он для этого слишком высокий и намного сильнее меня.

– Все правильно! А наш неизвестный здоровяк, который сейчас покойся в морге, примерно на голову выше Дудорова. Его худощавый убийца комплекцией – примерно как ты. Ты все еще допускаешь, что наш Малашин сумел перерезать горло здоровяку и при этом не задеть ни один из стеллажей?

Богданов почесал затылок:

– В такой ситуации – маловероятно.

– Вот именно! – воскликнул Зверев. – В данной ситуации не смог бы, а вот если создать для этого другие условия...

Зверев шагнул к Дудорову и толкнул его в грудь:

– Ты почему хромаешь, сержант? Только не смей мне врать, а то я тебя закрою за дачу ложных показаний и закрою надолго!

Старший сержант побледнел и невнятно промямлил:

– Так я не вру.

– Говори, почему хромаешь?

– Так я за доску зацепился!

– За какую доску?

– Так здесь, на складе! Прибежал, а там тьма-тьмущая, вот я о доску и запнулся!

– Иди показывай эту доску! – все так же грозно прорычал Зверев.

Дудоров указал на центральный проем.

– Вот! Тут была торчащая доска, об нее я и споткнулся!

– А почему сейчас доска не торчит?

Дудоров уставился на начпрод.

– Рассказывай, чего уж, – разрешил тот.

– Я прибежал. Кругом темно. Я ногу зашиб, потом старшину вызвал. Потом дежурному сообщил. Так по уставу положено! – виновато сообщил Дудоров.

– Я когда прибежал, тоже об эту доску споткнулся, – пояснил начпрод. – Так шибанулся, что искры из глаз посыпались. Потом прибежал к дежурному по части, а он уже Селезневу докладывает. Я и подумал: что, если комполка придет на склад и тоже об эту доску споткнется...

– И приказал быстренько заделать дырку в полу? – подсказал Зверев.

– Ну да! Дырка в полу на складе – это же непорядок! Наш Селезнев – он ведь сами видели какой! Он и за меньшую провинность может выговор вклеить, а то и на губу посадить!

– И ты приказал заделать пол, не дождавшись следственной группы? Так?

– Так.

– И даже не посмотрел, что лежит под вывороченными досками?

– Темно было, да и чего там смотреть-то? А дыру забить что... пара гвоздей – и готово!

Зверев махнул рукой:

– Вызывайте людей и ломайте пол!

Когда спустя примерно двадцать минут пол складского помещения вскрыли, под ним была обнаружена свежеврытая яма. Рядом с ней валялась саперная лопатка, ржавый двадцатисантиметровый гвоздь и фомка. На каждом из обнаруженных предметов просматривались багровые следы.

Глава 2

На следующее утро Корнев пришел на работу чуть раньше обычного и тут же услышал трель телефонного звонка. На часах была половина восьмого.

Подполковник плюхнулся в кресло, взял трубку и сухо процедил:

– Кому это я понадобился в такую рань?

– Ты что, офонарел, подполковник? Ты как со мной разговариваешь? – узнав сухой голос Антипова, Корнев вскочил и вытянулся, словно новобранец на плацу. – Прошу прощения, Петр Дмитриевич, не знал, что это вы звоните.

– Петром Дмитриевичем я тебе был, когда мы с тобой коньяк глушили, а сейчас обращайся как положено!

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант, больше подобные вольности себе не позволю.

– То-то, – голос Антипова слегка смягчился. – А теперь скажи мне, друг, кому ты нападение на склад расследовать приказал? Что там у тебя за сыскарь такой орудует?

«Ну вот, началось!»

Корнев вытащил из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

– Я, конечно, извиняюсь, а можно узнать, что стряслось? В смысле, что он там сделал не так?

Антипов хмыкнул в трубку:

– Мне только что звонил Селезнев, ругался как сапожник, сказал, что этот твой... как его?..

– Капитан Зверев, – подсказал Корнев.

– Вот-вот! Селезнев сказал, что твой сыскарь сначала нахамил ему... прямо у него в кабинете, а потом еще и разворошил весь продовольственный склад. Что там случилось? Ты мне толком расскажи!

Корнев задержал дыхание, а потом, собравшись с силами, выпалил:

– Вы просили лучшего сыскаря, вот я и отправил лучшего! Капитан Зверев – мой лучший сотрудник и близкий друг. Именно ему я доверяю и именно у него практически нет нераскрытых дел! Да, он хам и выскочка, у него не все в порядке с нервами, а еще он регулярно нарушает дисциплину, но он умеет работать! Если поведение моих сотрудников не удовлетворяет какого-то там полковника, пусть даже и командира полка, то это меня не волнует. На складах произошло двойное убийство, и мы должны расследовать это дело, невзирая ни на что...

– Ну-ну! Угомонись! – остудил пыл Корнева Антипов. – Знаю я Селезнева! Та еще сволочь! Не понравился ему твой Зверев, и черт с ним. Ты мне лучше скажи, есть какие-нибудь подвижки? А то у меня, сам понимаешь, душа не на месте.

Корнев облегченно выдохнул:

– Подвижки есть! Зверь мне... Простите, капитан Зверев мне звонил. Однако прежде чем давать вам отчет о выполненной работе, я должен еще раз встретиться с ним и поговорить напрямую. В ближайшее время я жду группу с подробным докладом. Вы же сами не любите, когда вам мямлят...

Антипов рассмеялся.

– Поддел ты меня, подполковник! Ну и поделом мне! Хорошо, жду от тебя вестей, только ты уж давай там... не затягивай.

– Товарищ генерал! – выкрикнул Корнев, прежде чем начальник Главка повесил трубку.

– Чего тебе?

Корнев замялся:

– А что, если окажется, что ваш сын жив, но именно он повинен в смерти тех двоих?..

– Хватит! – рявкнул Антипов. – Мой сын не преступник! Не может быть преступником...

– А что, если это не так? Простите, но если вы ошибаетесь, я не стану молчать! Теперь я, при любом раскладе, доведу это дело до конца!

Корнев услышал тяжелое дыхание на другом конце провода. Наконец Антипов сказал вполголоса:

– Я знаю, подполковник. Ты это сделаешь, даже если я тебе попытаюсь помешать. Делай свою работу! Потому что если ты окажешься прав, я не смогу через это перейти и сделать все правильно... а ты сможешь! Именно поэтому я и обратился к тебе...

Антипов повесил трубку.

* * *

После телефонного разговора с начальником Главка Корнев так разнервничался, что его язва тут же дала о себе знать. Степан Ефимович решил больше не шутить с собственным здоровьем и направился в санчасть.

Начмед Управления Карен Робертович Оганесян тут же выдал ему какие-то порошки, велел придерживаться жесткой диеты и пить картофельный сок, а помощница, старшая медсестра Софья Павловна, обещала принести алоэ с медом, настоящее на спирту. Напоследок Карен Робертович порекомендовал подполковнику поменьше нервничать и чаще отдыхать. Вот только в последнее время Корневу было совсем не до отдыха.

Весна сорок восьмого выдалась теплой. Несмотря на то что был всего лишь конец мая, температура за окном уже перевалила за двадцать пять.

Кабинет начальника милиции находился на солнечной стороне, поэтому сегодня в нем, несмотря на распахнутое настежь окно, было просто невыносимо жарко. Корнев сидел нахмурившись, то и дело пил воду из графина и нервно постукивал пальцами по столу в такт тикающим часам.

– Получается, что им была нужна не тушенка! – докладывал Богданов охрипшим голосом. – Новые улики, обнаруженные благодаря проницательности капитана Зверева, позволяют нам сделать именно такой вывод.

Сразу после обеда они собрались в кабинете начальника милиции вчетвером. Костин и Богданов сидели друг напротив друга за столом, Корнев восседал в кресле, а Зверев по традиции развалился на своем излюбленном кожаном диване у стены. После слов о «проницательности капитана Зверева» Корнев хмыкнул и с долей сарказма отметил:

– А то как же! Разве могло быть иначе? Капитан Зверев у нас незаменимый сотрудник, настоящий сыщик-ас, вот только никак не может понять, что в присутствии своего непосредственного начальника нужно вести себя подобающе.

А Зверев в это время с отвлеченным видом глазел в окно, все так же полулежал на диване и предавался воспоминаниям.

* * *

Вечером Зверев, наскоро переговорив с криминалистом, заявил, что у него неотложные дела. Приказав Богданову проследить за поиском и выемкой новых улик, обнаруженных после того, как на складе вскрыли пол, Павел отправил Костина в больницу узнать о состоянии рядового Тимошкина. Сам же спешно покинул территорию войсковой части и велел Горячеву отвезти его домой.

Прибыв на улицу Гоголя, Зверев отпустил машину и, поднявшись на третий этаж, вошел в свою однокомнатную квартиру. «Логово зверя» – именно так он сам и большинство посещавших его красавиц называли это хоть и не особо просторное, но все же довольно уютное место.

Именно сюда должна была позвонить одна весьма привлекательная особа, Катенька Львова. Муж Катеньки, работавший главным инженером на мотороремонтном заводе, должен был отправиться в Ленинград на курсы повышения квалификации, поэтому еще за три дня до отъезда мужа Катенька позвонила Звереву и договорилась о встрече.

Просидев до половины девятого, Зверев так и не дождался звонка в дверь, но зато зазвонил телефон. Зверев взял трубку и услышал на другом конце тихий голосок:

– Паша, это я.

Он узнал голос Катеньки, но решил изобразить удивление:

– Кто это «я»?

– Что значит «кто»? – воскликнула женщина в полный голос и тут же снова перешла на шепот: – Ты там совсем умом тронулся? Это я, Катерина...

– Ты сказала, что придешь в восемь!

– Я прекрасно помню, что я говорила! Только я сегодня не приду. У Димочки что-то там не срослось, и он остался дома. Раньше я не могла позвонить, а сейчас могу, но учти, что времени на разговоры у нас нет.

– Все ясно! Желаю хорошего вечера в кругу семьи, – пробормотал Зверев.

– Я вижу, ты не особо расстроился! – снова повысила голос Катенька.

– Напротив! Я всегда рад, когда семьи воссоединяются, а неверные жены возвращаются в лоно семьи.

– Не тебе меня упрекать! Много ты понимаешь. Просто у нас с Дмитрием сейчас очень сложный период. Мы каждый день ссоримся и вообще...

– Поэтому тебе, как рыбе вода, нужны утешения!

– Да... нужны! И что с того? Знаешь что, Зверев...

– Что?

– А ничего! Иди к черту!

– Обязательно схожу, но не сегодня! Где там моя записная книжка?

– Ах, вон оно что! Больше ты меня не увидишь!

– Где-то я это уже слышал!

– Какая же ты сволочь, Зверев, – фыркнула напоследок Катенька и бросила трубку.

Поняв, что свидание сорвалось, Павел Васильевич подошел к висевшему на вешалке пиджаку и сунул руку во внутренний карман. Вынимая пачку «Герцеговины Флор», он увидел, как на пол упала какая-то бумажка. Зверев поднял вырванный из журнала листок, на котором было нацарапано: «Саша» и телефонный номер.

Он закрыл глаза и мечтательно произнес:

– Темные волосы, улыбка, невинная и чистая, как вода в горном ручье... Будь я писателем, я написал бы о ней нечто подобное.

Зверев подошел к телефону, начал набирать номер, но прежде чем в трубке послышался гудок, он выругался и решительно бросил трубку на рычаги.

«Потому что вы мне понравились!» – Звереву не давала покоя последняя фраза, сказанная этой девчонкой при встрече, точнее, не сама фраза, а то, как она была сказана. Зверев вспомнил о Катеньке и о других... Эта девушка была так не похожа на них.

Она было другая! Нет! Он не будет звонить этой девчонке.

Весь этот романтический бред слегка разозлил Зверева. Он ведет себя как влюбленный старшекласник!

«Ведь все это полная чушь!»

Павел несколько раз подходил к телефону.

«Нет...»

В конце концов он завалился спать. Вот только выспаться ему так и не удалось. Всю ночь снился Геннадий Карлович, стоящий посреди прикрытых кровавыми простынями каталок.

Глава 3

Зверев дернулся и очнулся от сна.

– Товарищ капитан!.. Пашка... твою мать! Ты вообще нас не слышишь? – с неприкрытой злобой кричал на него Корнев. – Уснул, что ли?

– Я, кажется, знаю, отчего мой начальник такой заспанный, – с хитрым прищуром заметил Костин. – Василич, а ведь я тот кроссворд не успел отгадать! Может, вернешь мне вырванный листок, вместе с номерком, который на нем написан?

– А ну не свисти, мелюзга! – Зверев погрозил Вене кулаком. – Я сейчас тебе такой кроссворд покажу, что ты у меня его до конца своих дней решить не сможешь.

– Какой еще кроссворд? Вы совсем офонарели? А ну, всем встать! Смирно! В загадки-разгадки они у меня поиграть решили!

Богданов и Костин вытянулись в струнку. Видя, что Корнев смотрит на него с неподдельным гневом, Зверев тоже встал и, склонив голову, ухмыльнулся:

– Ты еще нас на строевую выведи, а еще лучше на губу посади!

– И посажу, если нужно будет! А ну, сели все и докладываем по делу.

Все сели. Подполковник указал на Богданова, предоставляя ему слово.

– А я вроде все уже сказал. Может, теперь вы, Павел Васильевич? Я, признаться, до сих пор так до конца и не понял, как вы про все догадались. Ну, про то, что начпрод велел полы заколотить, а в результате мы чуть главные улики не профукали.

Корнев все еще хмурился, но взгляд его постепенно теплел.

– Ты мне, Зверев, скажи, где ты пропадал? Я тебя еще с утра хотел выслушать, а ты только после обеда явился.

– В больнице был, со свидетелем общался.

– С рядовым Тимошкиным. Это тот самый часовой, которому нападавшие по голове шарахнули, – подключился Костин. – Павел Васильевич меня вчера в больницу отправил, узнать, что да как. Я все узнал. Тимошкин пришел в себя, но врач сказал, что пустит к нему посетителей только утром. Я товарищу капитану позвонил вчера и все доложил.

– Ладно, пусть говорит, что узнал, – снисходительно буркнул Корнев.

– И стоило на нас так орать? Ты смотри, Ефимыч, так живот не рви. Мне сегодня Софочка Палнна сказала, что Оганесян тебе нервничать запретил.

Корнев махнул рукой, выпил стакан воды и, взяв со стола пустое «Дело», стал обмахиваться им как веером.

– Не будешь с тобой нервничать... как же? Давай, не тяни.

Зверев сделал паузу, потом посмотрел на Костина: тот сидел, слегка склонив голову и немного подавшись вперед. Богданов тем временем во все глаза таращился на Зверева с глубочайшим благоговением.

– Хорошо! – Павел Васильевич встал. – Первое, что меня заинтересовало в нашем деле, это грязные руки здоровяка. У него не просто была грязь под ногтями – его руки были вымазаны землей по локоть, будто он рыл ими землю. По прибытии на место происшествия я стал искать взрыхленную землю. Поначалу я думал, что преступники делали подкоп, но, как выяснилось, они проникли в часть через лаз в заборе.

– Этот лаз сделали солдаты, чтобы бегать в самоволку, – пояснил для Корнева Богданов. – И этот лаз почти сразу же был заделан так, что от него и следа не осталось.

– Вот именно! Отсутствие грязи меня удивило. И на складах, и в том месте, где был лаз, – только асфальт и коротко стриженные газоны. Места, где рыли, я поначалу не нашел, – продолжил Зверев. – Общение с командиром полка Селезевым навело меня на мысль, что при таком начальнике вряд ли его подчиненные будут все говорить без утайки. Это очень противный тип,

его подчиненные запуганы. Полковник наверняка помешан на чистоте, поэтому солдаты тут же стремятся без задержки убрать с территории любую грязь и устранить любые неполадки, чтобы не получить нагоняй. Когда я не нашел взрытой земли на улице, я обратил внимание на склад. Там тоже оказалась идеальная чистота. По словам начпрода, ни один стеллаж, ни одна полка не были опрокинуты, а ведь внутри склада шла нешуточная драка.

Тогда-то мне и пришла в голову мысль провести небольшой эксперимент. Я попросил старшего сержанта, несшего службу в день нападения, стать в проход. Потом велел Вадиду симитировать нападение.

– Старший сержант Дудоров – крепкий, высокий парень. Он выше меня на полголовы, а я чуть выше второго убитого бандита. Того, чьи отпечатки были на найденном на месте преступления ноже. Однако когда я набросился на Дудорова, я не сумел даже достать до его шеи. Он просто отшвырнул меня и при этом устроил на складе настоящий кавардак, перевернув один из стеллажей, – снова принялся пояснять Богданов. – Первый же преступник намного выше Дудорова, вряд ли он смог бы таким вот образом напасть на этого гиганта и перерезать ему горло.

– Вот я тогда и подумал, что здоровяк или стоял на коленях, или наш шуплый убийца стоял на чем-то, что позволяло ему оказаться на одном уровне со своей жертвой, – продолжил Зверев. – Как я уже говорил, грязи внутри склада я не нашел, зато, когда осматривал полы, заметил, что все шляпки гвоздей, которыми прибиты половые доски, немного проржавели. Один же гвоздь был совершенно новый, даже блестел. Я тут же вспомнил слова патологоанатома, который сказал, что второго бандита закололи шилом или чем-то типа вязальной спицы. – Зверев подошел к столу и взял из баночки один из торчавших карандашей. Он положил на ладонь носовой платок, упер в него карандаш и сжал кулак так, что карандаш оказался зажатым между средним и безымянным пальцем. – Если обернуть руку платком и упереть в ладонь шляпку длинного гвоздя, а потом зажать гвоздь так же, как я зажал этот карандаш, то таким устройством можно вполне убить человека.

Ну и последнее: хромота начпрода поначалу меня не особо заинтересовала, но когда к нам пришел еще и хромающий Дудоров, я сразу же этим заинтересовался. Один хромает – это бывает, но двое хромых – это уже некоторая закономерность! Мне осталось лишь припугнуть старшего сержанта, и тот открыл недостающие детали. Когда Дудоров примчался на место преступления, он споткнулся о выступавшую над полом доску, вслед за этим прибежал начпрод и тоже повредил о торчащую доску ногу. Далее все просто: Погребняк ждал появления Селезнева и опасался, что тот увидит проломленные полы и ввалит ему по первое число. Старшина приказал срочно заделать дырку в полу и прибить оторванные доски. При этом все гвозди оставались на своих местах, кроме одного.

Куда же пропал гвоздь?..

Связав все воедино, я приказал вскрыть полы. Под полом мы, помимо вырытой ямы, нашли саперную лопатку и фомку, которую принесли с собой преступники. Также мы нашли и орудие убийства, а именно пропавший гвоздь! Наши эксперты уже кое-что выяснили и дали первичное заключение: фомкой оглушили часового, ею же сбили замок со склада. Отпечатки еще не сверили, но уверен, что часового оглушил либо шуплый, либо тот третий, который сбежал, потому что, если бы ломиком орудовал здоровяк, наш солдатик наверняка был бы мертв. После этого преступники вскрыли полы, оторвав несколько досок, и здоровяк вырыл что-то из того, что было спрятано под половыми досками. При этом, помимо лопатки, он рыл грунт еще и руками! Пока здоровяк стоял на земле, наш шуплый, стоя на полу, оказался не просто одного роста со своей жертвой, но был даже выше его. Он вполне мог зайти своей жертве за спину и перерезать ему горло.

Из последних сил бедолага выбрался из ямы и рухнул, истекая кровью, не успев ничего перевернуть или сломать. Пока здоровяк и шуплый доставали что-то из земли и боролись

между собой, третий преступник при помощи фомки извлек из доски гвоздь, зажал его в руке и вогнал в сердце щуплого. После этого он бросил все в яму: лопатку, фомку и гвоздь. Вернул доски на место и покинул склад вместе с тем, что они искали изначально, – Зверев развел руками и плюхнулся на диван.

– Занятно, – усмехнулся Костин. – Интересно, что же они там прятали?

– А вот это нам и предстоит выяснить.

Выслушав последние соображения Зверева, Корнев поднялся:

– Павел Васильевич прав! Наше расследование только начинается. Личности преступников пока еще не установлены, но есть предположение, что один из них – это Василий Малашин. Я понимаю, что генерал мог и ошибаться...

Зверев не дал подполковнику договорить:

– Есть все основания полагать, что генерал Антипов не ошибся.

– Что такое? – возмутился Корнев. – Поясни!

Зверев тоже встал, на этот раз он был серьезен как никогда:

– Как я уже сказал, сегодня утром я встречался с Тимошкиным, тем самым солдатом, которому наши грабители проломили голову. Так вот, он мне кое-что рассказал.

– Что?

– Практически ничего нового из того, что опровергало бы нашу версию. Однако, пока наш паренек лежал без сознания у дверей склада, он все-таки слышал, как один из преступников назвал другого по имени...

– Мы знаем имя убийцы?

– Тимошкин слышал не имя, а, как я полагаю, кличку того, кто прикончил щуплого и унес с собой то, зачем вся троица явилась на склад.

– И что же это за кличка? – спросил Корнев.

Зверев посмотрел в глаза другу, стараясь предугадать его реакцию:

– Тимошкин сказал, что одного из нападавших называли Антипом.

Часть третья

Волчара

Глава 1

Захар Селиванов, уроженец деревни Дехино Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, после того как покинул родные места, мать свою особо не вспоминал, а уж отца и подавно. Все старшие дети деревенского кузнеца Демиды Селиванова родились от его первой жены Анфисы. После того как та померла от брюшного тифа, Демид взял себе новую жену, от которой и родился Захар.

Два брата, три сестры – за всеми Захар донашивал, за всеми подъедал. Наследства ему бог не сулил, да и сбережений особых у дехинского кузнеца Селиванова не водилось. Тощая женка да шесть голодранцев – вот и все богатство.

А потому решил Захар сам себе дорогу в жизнь пробивать. Собрал как-то по-тихому котомку с провизией, спичками и картинкой, из газеты вырезанной, и направился в Санкт-Петербург. Шел ему в ту пору шестнадцатый год.

Газетную картинку Захар считал своим главным богатством. Ее местный барин обронил, когда пьяный к кузнице с девицами на бричке прикатил. Приказал барин Демиду у повозки ось починить, а когда вылезал, тут газетенку и выронил. Захар в тот день газетку нашел да поднял. Читать в ту пору Захар еще особо не умел, потому клочок газеты для него был не особенно ценен, если бы не одно «но»...

В газете той картинка была, а на картинке корабль, идущий под парами. Да не просто корабль, а корабль с трубами да пушками. Вырезал ту картинку Захар ножницами, которыми овец стригут, и припрятал, а саму газету в печке сжег.

Когда сосед Селивановых, отставной младший корабельный канонир Прохор Журин, после увольнения со службы в свое родное Дехино вернулся, Захар его как-то подкараулил и спросил напрямую:

– Дядька Прохор, я тоже... ну... как ты... на флоте служить хочу! Подскажи, как моряками становятся?

Накануне Журиной полночи просидел у соседа, пили, пока оба не свалились. Поутру бывший канонир шатаясь брел домой, думая только, где бы ему поправить здоровье.

– Отстань, малец! Не до тебя мне сейчас, – отмахнулся от Захара Журиной, но тот не собиравшись отступать так легко, решил обязательно узнать, где и как моряков набирают, и узнать именно сегодня.

– Дядя Прохор! Ну расскажи, у меня вот картинка есть, – Захар сунул мужику свою вырезку из газеты. – Ты на каких кораблях плавал? Я вот на таком хочу.

– Плавает дерьмо в канаве, а моряки хódют, дурья твоя башка! Чего пристал как банный лист? Видишь, не до тебя мне сейчас. Ты хоть и сопляк еще, но все же мужик, потому сам понимать должен. Не видишь, голова у меня трещит, точно в ней канонада вражеская грохочет?

– Дядь, а дядь, значит, не хочешь рассказывать?

– Нет! И даже не проси...

– А если я тебе первача отборного принесу, расскажешь?

Услышав о перваче, Журиной тут же стал как вкопанный, вытянулся гусем и расправил сухие плечи.

– А откель у тебя самогон?

– От мамки! Она его от бати за сундуком прячет. Знаешь, какой у моей мамки самогон справный!

– Неси! – махнул рукой Прохор и свернул в придорожные кусты.

Когда спустя примерно полчаса Захар притаился под рубахой полуштоф первача, отставной вояка все еще сидел на пенке и сжимал руками гудящую голову.

Но, отхлебнув самогона, бывалый канонир тут же ожил и враз разговорился. Много чего услышал тогда Захар: и про бронированные пароходы с тепловой турбиной, и про корабельные орудия палубно-башенного типа; не забыл дядька Прохор рассказать и про девиц, которые в каждом порту морячков поджидают. Услыхал все это Захар и еще больше по морю затосковал. А когда рассказчик уже еле ворочал языком, подвел краткий итог:

– Коль и впрямь у тебя такая блажь в голове завелась, ступай-ка ты, паря, в Кронштадт. Потому как именно там – лучшие корабли да самые заправские матросы!

* * *

За украденный самогон Захару тогда крепко влетело. Мать орала до дури, а отец отвел парня за сарай и так отодрал плеткой, что Захар потом неделю спал на животе.

Но Захар ни капельки не жалел о сделанном. Когда раны на спине немного зажили, он собрал свои нехитрые пожитки и, ни с кем не попрощавшись, ушел из отчего дома навсегда: сначала в Питер, а потом и до Кронштадта добрался. Отыскал там военную канцелярию и стал проситься на морскую службу. Парень он был рослый и крепкий, да настырный и скоро добился своего. Зачислили его на корабль. Так сбылась мечта простого деревенского паренька.

Службу свою Захар Селиванов начинал юнгой на канонерке «Сивуч» на Балтике, потом уже матросом попал на линейный корабль. Там-то в Русско-японскую войну дослужился он от простого матроса аж до унтер-офицера. Потом вернулся в Кронштадт, а когда смута в России началась, сблизился с революционно настроенными матросами.

Проникшись идеями Маркса и Ленина, в семнадцатом году Захар Демидович поучаствовал в Петроградском восстании, а позже, уже при Советах, получил должность младшего боцмана на легендарном линкоре «Андрей Первозванный».

В девятнадцатом при атаке Кронштадта английскими катерами, когда торпеда угодила в носовую часть корабля, Захар Селиванов получил сильнейшую контузию, был списан на берег и отправлен в лазарет. Почти полгода провалялся в госпитале, мечтая вернуться на флот, на свой родной корабль, но его мечтам не суждено было сбыться.

Линкор «Андрей Первозванный» так и не был восстановлен. Захар уехал в Псков, где поселился у своей престарелой тетки по матери. Вот тут-то Захару неожиданно-негаданно и привалило кое-какое наследство. Вскоре тетка умерла, а так как других родственников у старушки не нашлось, ее квартира и прочее имущество отошло Захару.

Пенсии по ранению, разумеется, не хватало, и Захар принялся искать работу. Однако привыкший к дисциплине и порядку бывший младший боцман идти на обычную работу не хотел, а в армию его после контузии уже не брали.

Но выход нашелся. Захар как-то встретил одного из своих старых сослуживцев-моряков, Борьку Репина. Тот всегда считался на их корабле идейным большевиком-ленинцем и после службы во флоте попал служить в НКВД, где сумел дослужиться до руководящей должности. Лейтенант госбезопасности Репин подключил все свои связи и похлопотал за бывшего товарища, в результате Захар Селиванов был принят в районный отдел Псковской милиции служить в дежурную часть. Это был, конечно, не флот, но хоть что-то похожее на воинскую службу.

После оккупации Пскова немцами Захар Селиванов сумел покинуть город и укрыться в одной из близлежащих деревень, где его приютила молодая бабенка Дарья, муж которой был призван на фронт в первые дни войны и пропал без вести.

Живя в деревне под немцами, Захар в полицаи идти наотрез отказался. Немецкий офицер, который призывал всех послужить великому рейху, обещал выдать обмундирование, оружие, зарплату пятнадцать оккупационных рейсхмарок в месяц и мешок картошки, но Захар сослался на старую контузию и сумел всеми правдами и неправдами уклониться от дальнейшей вербовки.

Все то время, пока они были под немцами, Захар Селиванов почти не выходил со двора. Хотя в деревне он и был чужой, но все же сильно опасался, что кто-нибудь прознает про его революционное прошлое.

Работать в поле он тоже не особо рвался, лишь изредка помогал Дарье по хозяйству. Захар считал себя заправским моряком и не особо утруждался колкой дров и сенокосом. Большую часть времени он сидел дома и не заметил, как пристрастился к алкоголю. Сожительница его терпела. Но однажды случилось так, что Захару снова пришлось менять место своего обитания.

В июне сорок пятого, уже после победы, освобожденный из немецкого плена законный муж Дарьи, Иван. Когда он приехал в родную деревню и увидел в своей хате незнакомого мужика, тут же бросился на него с кулаками. Захар, хоть и было ему в ту пору уже за пятьдесят, оставался физически крепким. В результате потасовки вернувшийся солдат угодил в районную больницу, а Селиванов поспешил покинуть деревню, сказав своей любушке на прощание:

– Прощай, не держи на меня зла. Он тебе как-никак муж, а я кто...

– Иди с богом, – отвечала Дарья. – Ваньку своего я угомоню, он у меня горячий, но все же помягче тебя будет.

– Ясное дело помягче, вон я ему как бока-то намял!

Дарья замахала руками:

– Да иди уж! Экий пострел: нашел чем гордиться.

– Скучать-то хоть по мне будешь, когда уйду? – процедил озадаченный Захар. Он-то считал, что Дарья так легко его не отпустит, но бабу словно прорвало:

– А не стану я по тебе скучать! Ты же мне, ирод, за эти годы всю душу вымотал. Прокру от тебя – с наперсток, а забот – выше крыши. Просидел сиднем на моей шее, только бубнил да огрызался, самогонку жрал да трубкой своей пыхтел. Злыдень ты, да и поговорить с тобой не о чем, кроме как о море твоём.

– Я-то думал, у нас с тобой любовь...

– Да какая любовь! Тебе лет-то уж сколько? А мой Ванька еще молодой. Он и в койке почище твоего будет...

Захар насупился и сжал кулаки:

– Молчи, дура! Надо бы тебе за такие слова в рожу дать, да настоящие моряки баб не трогают.

Закинул Захар за спину свой старенький сидор с ковригой хлеба и шматом сала и отправился восвояси. Что потом случилось с Дарьей и ее мужем, Захар так и не узнал, а просто постарался выбросить их поскорее из головы.

Вернувшись в Псков, Захар нашел свою квартиру нетронутой, добился восстановления пенсии по ранению и вскоре женился на немолодой вдове. Прошел год, за все это время Захар так и не смог найти себе подходящую работу. Он сидел дома и с горечью вспоминал службу на флоте, берег свою старую форму и фотографии тех далеких лет. Он так очерствел душой, что превратился в настоящего домашнего тирана. Жена спустя пару лет ушла от него, не выдержав тяжелого характера мужа, который обращался с ней как с палубным матросом.

Оставшись один, Захар крепко запил. Вот только отчего больше грустил Захар, трудно было понять. Все думали, что тоскует бывший младший боцман по ушедшей жене, но на самом деле все эти годы Захар по-настоящему скучал лишь по морю.

Глава 2

В форменной фуражке и поношенном пиджаке, под которой красовалась заштопанная в нескольких местах и вытянутая на шее тельняшка, Захар Селиванов вышел из дома и направился к пивному ларьку. До ларька нужно было топать не меньше двух кварталов, но Захар преодолел это расстояние за пять минут. Увидев на месте закрытые ставни с прикрепленной к ним табличкой «Пива нет», Захар грязно выругался и обреченно побрел обратно к дому.

Придя во двор, он сел на лавку в тени развесистой молодой березки и в очередной раз пересчитал свою наличность. Получалась лишь пара помятых рублей и какая-то мелочь. Рюмочные были еще закрыты, а бутылку самой дешевой водки под названием «Сучок» можно было купить только за двадцать один рубль двадцать копеек. До положенной Захару Селиванову пенсии оставалось еще не меньше недели, и Захар загрузил.

Он вполголоса обматерил свою соседку тетю Фиму, жившую снизу, у которой он регулярно покупал дешевый самогон и которая частенько наливала ему в долг. Надо же было этой старой карге три дня назад помереть посреди белого дня. Одно хорошо – не придется возвращать червонец, который Захар ей намеренно задолжал. На душе скребли кошки.

В этот миг он вдруг вспомнил свою юность и того самого дядьку Прохора. Он вспоминал удивительные рассказы отставного канонира, вспоминал ту самую вырезку из газеты и свою истерзанную отцовским кнутом спину, ну и, конечно, тот самый украденный им полуштоф первача. Вот бы сейчас, так же как тогда, нашелся бы какой-нибудь ловкий паренек, который бы принес ему хоть что-нибудь на опохмел. За это он бы рассказал ему про море, про то, как он шел на штурм Зимнего, про то, как служил младшим боцманом и воевал с англичанами на легендарном линкоре; он рассказал бы сейчас кому угодно и что угодно, лишь бы унять эту жуткую тряску и боль в висках.

– Добрый день! Я ищу Захара Демидовича Селиванова. Я заходил в дом, там одна женщина мне сказала, что видела его под окном на лавке. Это не вы?

Захар медленно поднял голову, прищурился не то от боли, не то от яркого солнечного света и увидел тощенького паренька в пиджаке и кепке с огромным козырьком. Правой рукой молодой человек прижимал к груди кожаный портфель. Поморщившись, Захар сухо прохрипел:

– А ты кто?

Парень достал из кармана красную «корочку» и звучно представился:

– Богданов. Следователь областной прокуратуры.

– Ух ты... важный какой, а с виду и не скажешь. Значит, ты у нас тоже мент!

Паренек был явно ошарашен:

– Я вам никакой не мент! Говорю же: областная прокуратура...

– У тебя деньги есть? – Захар вытер трясущейся ладонью пересохшие губы.

Паренек еще больше опешил:

– Есть немного, а что?

– Ты что, совсем тупой? Не видишь, у меня трубы горят?

– Вы, конечно, извините, но ваш тон... – парень нахмурился и решительно продолжил: – Вы только что оскорбили сотрудника при исполнении! И вообще, я не обязан вам ничего давать, в смысле – никаких денег. А вам дам один совет: если будете так пьянствовать, то долго не протянете! Посмотрите на себя: вы даже на человека не похожи!

– Знаешь что! Сопляк! Молод еще, чтобы таким, как я, советы давать! Говорю же: у меня трубы горят! Подкинь денег или дай похмелиться, если есть.

– Я что, похож на того, кто носит в кармане бутылку?

– Что, нет? И там нет? – с последней надеждой спросил Захар, указывая на портфель, который парень тут же еще сильнее прижал к груди.

– Нет, разумеется!

– Ну и черт с тобой! Проваливай!

Парень нахмурился и по-детски надул губы:

– Ну хорошо! Но вы за это ответите!

Он развернулся и быстро зашагал со двора. Захар скрипуче рассмеялся и крикнул вдогонку:

– Катись отсюда, хмырь! Не боюсь я тебя, крыса сухопутная.

* * *

Зверев оторвался от бумаг, подошел к распахнутому окну и вдохнул полной грудью сладковатый аромат благоухающей сирени. В небесах кружили стрижи, а из расположенного неподалеку парка доносился всеми любимый «Вальс цветов» Чайковского. Паша тут же вспомнил о вчерашнем разговоре с Сонечкой Кравцовой, двадцатидевятилетней вдовушкой с тоненьким голоском и чарующими зелеными глазками.

Накануне Зверев вернулся с работы раньше обычного и, чтобы не изнывать от скуки, решил позвонить одной из своих давних знакомых. Сонечка жила одна и была той из немногих подруг Зверева, которым он мог позвонить в любое время, не рискуя поставить свою себе-седницу в неловкое положение. Муж Сонечки, лысоватый толстячок, прибывший в Псков из города Коврова сразу же после войны, два года проработал на хлебозаводе в должности главного снабженца. Потом у него прихватило сердце, а подоспевшая «Скорая» уже ничего не смогла сделать.

Сонечка, схоронив мужа, недолго горевала по усопшему, оставившему ей после себя трехкомнатную квартиру в центре города и, судя по всему, немалый капитал. Когда же мужнины денежки стали быстро таять, Сонечка устроилась работать манекенщицей в местный Дом моды. Там-то они и познакомились. Зверев тогда расследовал дело об убийстве главного бухгалтера того самого Дома моды.

Но на этот раз разговор с Сонечкой пошел совершенно по другому сценарию. Этот вечер сулил необыкновенные перспективы и мог бы стать настоящей сказкой для обоих, но когда Сонечка сняла трубку, Звереву, вместо привычного тоненького «алло», резануло ухо холодное как гранит: «Да, я вас слушаю! Кто это?»

Пашка сначала опешил и нарочито громко пробасил:

– Раньше ты узнавала меня по голосу.

Ответ не заставил себя ждать:

– Нет, я не смогу! Не смогу выйти! Ни сегодня, ни завтра. Извините, Варвара Михайловна, я немного приболела.

В трубке издали послышался хрипловатый баритон:

– Кто там, котенок?

– Это с работы! Просят выйти сегодня вечером на юбилейный показ.

– Ты же говорила, что у тебя выходной?

– Так и есть, не волнуйся, пупсик, никуда я не пойду.

Услышав такое, Зверев рассмеялся и пропищал тоненьким голоском:

– Желаю поскорее поправиться, Сонечка. Варвара Михайловна все поняла и обязательно подыщет тебе замену. Можешь не волноваться, юбилейный показ пройдет на высшем уровне!

Приглушив голос рукой, Сонечка тихо прошептала в трубку:

– Иди к черту!

– Пупсику – привет, а котенку – скорейшего выздоровления.

– Говорю же, иди к черту. Какая же ты все-таки сволочь, Зверев! – и Сонечка повесила трубку.

После того как очередная амурная встреча сорвалась, так и не начавшись, Зверев подошел к столу. Там ему на глаза снова попался клочок бумаги, вырванный из Вениного кроссворда. Зверев взял листок, еще раз произнес про себя написанное на нем имя и положил обратно. В эту минуту он убеждал себя, что чертовски вымотался за эти дни. Внушение помогло, и в эту ночь он спал как убитый.

* * *

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Веня Костин, неся в руках дымящийся самовар.

– Ну что, Павел Васильевич, теперь можно и чайку!

– Чайку так чайку, – Зверев отошел от окна и уселся на прежнее место.

Костин вытащил из ящика баночку с рафинадом и пачку грузинского чая.

– Я вот все думаю, почему мы тут с вами бумаги лопатим, а наш Вадик свидетелей ищет! – звеня подстаканниками, заявил Веня.

– Потому что я так решил! – спокойно ответил Зверев.

– Это понятно, но все-таки – почему? Это ведь он у нас следователь, а мы с вами – опера!

– Ну как тебе сказать «почему»? – философски заметил Зверев. – Потому что Вадик у нас еще молодой. Ему опыта набираться надо. Так что пусть «на земле» поработает. А ты чего это? Или чем-то недоволен?

– Да, честно говоря, достали меня эти бумаги! Хочется нормальных дел, а не здесь штаны протирать и чернила переводить!

– Понимаю! Но дай ты молодому шанс, а вот если не справится... – Зверев сделал внушительную паузу.

– И что тогда?

– Тогда я тебя в бой отправлю! Ты не Вадик! Ты у меня настоящий мастер сыска! Мой главный резерв! Моя, так сказать, старая гвардия.

– Опять издеваетесь?

– Ни капельки.

– А чего ж опять меня Венечкой называть стали? Ведь был же на этот счет уговор.

– Уговор?.. Какой уговор? – Зверев, усевшись за стол, снова уставился в лежавшие перед ним документы. Костин лишь махнул рукой и поинтересовался:

– Тебе, как всегда, крепче, Василич?

– Разумеется, и без сахара!

Костин протянул Звереву стакан. В этот момент в кабинет ворвался Богданов.

– Это что ж такое делается! Вы только послушайте! – Богданов бросил на стол свой портфель, схватил со стола Костина второй стакан и сделал из него пару глотков. – Ух ты, горячий какой!

– Я вообще-то его не тебе наливал! – возмутился Костин.

– Прости, запарился совсем. Тебе что, чая жалко?

– Не жалко, просто у нас не буфет! Хочешь чая, так заваривай себе сам, самовар только что закипел.

– Так! Хватит про чай! – перебил Зверев. – Что там у тебя стряслось?

Богданов сел за свой стол, достал из портфеля кипу бумаг и ткнул в верхнюю папку пальцем:

– Вот! Я вчера полдня в архивах просидел. Выяснял тех, кто мог знать хоть что-то про пропажу Малашина и генеральского сына. Искал списки сотрудников райотдела, где наши ребята работали! Нашел аж двенадцать человек и вот итог: трое погибли на войне, четверо

больше не служат в милиции и уехали из города, еще четверых я все-таки сумел найти и отыскать – благо вы мне для этого Горячева дали.

– Нехило наша прокуратура живет! Я в свое время по оперативным делам на машинах не ездил! – возмутился Костин. – Все больше ножками или на трамвайчике.

– Веня, заткнись, – прихлебывая из стакана, осадил его Зверев.

Вадик продолжил:

– Так вот, трое из опрошенных понятия не имеют о том, куда подевались Егор и Василий, а четвертый вообще отказался со мной разговаривать!

– Это еще почему?

– Да потому что он форменный хам! Я ему представился, удостоверение показал, а он меня хмырем назвал.

– И как фамилия этого хама? – поинтересовался Зверев.

Веня вскочил, достал из своих бумаг выписку из личного дела.

– «Селиванов Захар Демидович, проходил службу в Шабановском райотделе города Пскова в должности помощника дежурного», – прочитал Зверев. – Этот вполне может знать про наших пропавших архаровцев.

– Вот и я про то, но он гад уперся, а еще «крысой сухопутной» назвал, – обиженно воскликнул Богданов.

Зверев сдвинул брови к переносице:

– Крысой, говоришь? Сухопутной? Так это же хорошо!

– Хорошо, что меня крысой обозвали?

– Да нет, хорошо другое: раз он не уважает сухопутных крыс, выходит, он на флоте служил.

– Да уж явно не в пехоте! Фуражка на нем с «крабом», тельник заношенный. Весь из себя важный такой, а у самого руки трясутся! Пьянь подзаборная! Я его спрашиваю: «Это вы Селиванов?» – а он у меня на опохмел требует!

– Ну и...

– Что «и»?

– Дал ты ему на опохмел?

– Вот еще!

Зверев и Костин переглянулись.

– Ну ты, Вадик, даешь! – хмыкнул Костин. – Трешку для дела пожалел.

– Ничего я не пожалел, – Богданов надулся еще сильнее. – Просто я пьянство не поощряю.

– Ладно, хватит цапаться! – цыкнул Зверев. – Значит, моряк наш Селиванов, ну и хорошо...

– Да что хорошего-то?

– Хорошо, что мы теперь знаем, как с этим мореманом разговаривать.

– И как?

– Раз он у нас настоящий «морской волк», значит, и крутить его будет тоже моряк. А знаешь ли ты, Вадик, где наш дорогой Венечка служил до того, как к нам в милицию попал?

– В Морфлоте! Где же еще? – ответил Богданов.

– Неужели Веня о своем морском прошлом уже похвастаться успел?

– Ничего он не успел! Просто у него якорь на предплечье наколот, а еще походка уж больно вальжная – вразвалочку...

– Молодец, Вадик, наблюдательность в нашем деле очень важна! – похвалил Зверев и посмотрел на Костина. – Ну что, Венечка, догадываешься, почему этот Селиванов с нашим дорогим Вадиком общаться не пожелал?

– Потому что гусь свинье не товарищ! – недовольно бросил Костин.

– Это Селиванов, что ли, у нас гусь? Или ты себя имел в виду? Да нет, ты сейчас не на гуся, ты сейчас больше на надутого индюка похож! – продолжал подначивать парня Зверев. – Смотри, Вадик, как он злится из-за того, что я его Венечкой называю! Ну ничего, теперь у него будет возможность отличиться. Выпытает наш Венечка у этого морского волка все тайны, я его опять Вениамином называть стану. Ну, не постоянно, конечно, а какое-то время!

– Как минимум год! – процедил Костин.

– Год, это ты, конечно, загнул. Хотя если ты из этого волчары что-нибудь по-настоящему дельное вытянешь, то будет тебе год!

– Заметано! Все, что помнит и не помнит, расскажет! Уж ты меня, Василич, знаешь.

Глава 3

Весь день Захар Селиванов изнывал от похмелья. Единственное, что ему хоть как-то помогло, это помидорный рассол, который ему поднесла соседка по лестничной площадке Глафира Сердюкова. Дать денег в долг соседка наотрез отказалась, но рассол вынесла, велев непременно вернуть пустую банку.

Обычно в таких случаях похмелье отступало, но сегодня к вечеру Захара затрясло сильнее обычного. Когда по радио стали передавать вечерние новости, Захар выпил остатки рассола и упал на кровать. В этот момент в дверь коротко позвонили. Захар матюгнулся и рявкнул, не вставая с кровати:

– Кого там еще несет?

Непрошенный визитер снова начал звонить и не отпуская кнопку, пока Захар не открыл дверь. На пороге стоял коротко стриженный парень в кепке-лондонке и смотрел на Захара с плутоватым прищуром. Высокий, жилистый, в белой рубаше и широких брюках на подтяжках. В руке парень держал коричневый пиджак, в который было что-то завернуто.

– Здорово, дядя! Тут такое дело...

Захар грубо перебил:

– Ты кто такой? Чего трезвонишь как очумелый, или здоровье лишнее?

Парень беззлобно рассмеялся.

– А ты, я гляжу, дядя, тот еще ухарь! Мне тут твои соседи по кубарю шепнули, что у тебя можно яшку кинуть?²

Захар насторожился, почесал небритый подбородок, его кустистые брови сдвинулись домиком.

– Это кто ж тебе такое сказал? Здесь у меня вообще-то не «Метрополь».

Парень снова гыкнул:

– Да почитай все твои соседи, батя. Тут у вас все семейные живут, а ты вроде как один, вот я и пришвартовался к твоему пирсу. Мне бы только ночку перекантоваться, и я отчалию. зуб даю! – парень сделал характерный жест, чиркнув ногтем по зубам. Захар увидел на предплечье незнакомца наколотый якорь.

– Где служил? – поинтересовался Захар.

– Отдельный батальон морской пехоты! Балаклава! Черноморский флот!

– Должность, спрашиваю, какая?

– Старший матрос! А ты, батя, я вижу, тоже не из сухопутных...

– А что незаметно? – горделиво выпрямившись, пробасил Захар. – Младший боцман Балтфлота.

– Военный?

– Военный! А ты что подумал, на угольный сухогруз попал?

– Ого! Да тебя, батя, мне сам бог послал. Ты не думай, я не на дармовщинку напрашиваюсь. Вот!

Парень сдвинул кепку на затылок и вытащил из кармана пиджака бутылку «Столичной». Захар тут же схватил ее и, откупорив ее зубами, опорожнил добрую треть прямо из горла. Глухо икнув и занюхав рукавом, Захар крякнул и движением руки пригласил гостя в дом.

– Входи! Раз такое дело, ночуй, места хватит.

Парень повесил на вешалку пиджак, вынул из внутреннего кармана вторую бутылку.

– Так у меня и на двоих хватит!

Захар чуть не прослезился:

² Кубарь (морск. жарг.) – кубрик, каюта, в данном случае комната. Кинуть яшку – встать на якорь.

– Швартуйся пока, а я пойду стаканы поищу. Ты ведь, салага, небось водку из горла пить не привык.

* * *

Костин ввалился в кабинет и направился к тумбочке, на которой стоял графин. Жадно припал, выпил аж два стакана, потом уселся за стол и только сейчас снял кепку.

– Видок у тебя, друг, мягко говоря, не очень! Что, крепок пить наш волчара? – поинтересовался Зверев.

– Крепок, зараза! Но и мы не лыком шиты! Он первую бутылку почти сразу в одного всосал, вторую уже подольше и на двоих пили, – констатировал Костин. – Пришлось еще и за третьей сбегать, прежде чем он свалился и захрапел. Часов до трех сидели.

– Ну и что узнал? – сгорая от нетерпения, спросил Богданов.

– Он мне битый час втирал, как швартовные тросы и кранцы правильно крепить! Потом учил сходни ставить! Как будто я без него этого не знал, а еще про то, как пацаном из дома сбежал, как в Кронштадт подался и как ранили его на линкоре.

– По делу что узнал? – усевшись на край стола, спросил Зверев. – Рассказывай!

– А ты, Василич, про уговор наш, часом, не забыл?

– Не забыл... рассказывай.

– Так вот! – Костин хлопнул себя по коленке. – Узнал я не особо много, но пару зацепок вроде есть! Когда Селиванов обмолвился, что в Шабановском райотделе служил, я поинтересовался, не знает ли он Ваську Малашина. Сказал, что мы с ним росли в одном дворе, а еще сказал, что видел его как-то в городе, но мы разминулись.

– Так и что?

– А вот что. В тот день наш Селиванов помдежем заступил. Было это девятого июля, как раз в тот день, когда немцы в город вошли. Эвакуация идет полным ходом, кругом суматоха, а тут на телефон дежурного девица позвонила...

– Селиванов сам с той девицей разговаривал?

– В том-то и дело, что нет!

– Откуда тогда он знает, что это девица была?

– Когда звонок раздался, трубку Селиванов взял. Голос, говорит, женский был. Молодая. Потом в соседнее здание снаряд зажигательный попал. Дежурный Селиванову велел на улицу бежать, узнать, нет ли угрозы возгорания. Так что, зачем та девица звонила, Селиванов не знает. Зато когда Селиванов в дежурку вернулся, он видел, как к крыльцу дежурная машина подкатила. Еще сказал, что видел, как оба наших орелика в ту машину сели.

– Егор и Василий?

– Так точно! Селиванов у дежурного спрашивал, куда они, а дежурный ему говорит, вроде как нашли что-то.

– А что нашли?

– Дежурный про это не сказал, его в ту минуту начальник к себе затребовал и отправил куда-то. Потом немцы в город вошли, и такое началось, что времени на расспросы уже не было. Зато перед этим, когда Селиванов в дежурке сидел, он в журнал дежурного посмотрел. Запись, сказал, там была: «Опергруппа в составе лейтенанта Антипова и лейтенанта Малашина выехала на место происшествия по адресу: улица Лесная, дом семь, квартира двенадцать».

Зверев одобритительно кивнул:

– Ну что ж, это уже зацепка! Молодец, Вениамин Игоревич, с задачей справился на пять!

Костин назидательно посмотрел на Богданова, тот тут же насупился.

– Так можем, когда захотим! – стараясь не демонстрировать свое торжество, заявил Костин.

– А ты, Вадик, чего нос повесил? – повеселел Зверев. – А ну, вели Горячеву разводить пары! Остаешься за старшего, а мы с Вениамином прокатимся до улицы Лесной, узнаем, кто сейчас по этому адресу обитает.

Часть четвертая

Гера

Глава 1

Всю дорогу, пока они ехали на Лесную, Костин с трудом сдерживал свою радость. Остатки хмеля из Вениной головы уже выветрились, он сидел на пассажирском месте возле Горячева, всю дорогу рассказывая суровому водиле о том, как он ловко развел бывшего бочмана на нужный разговор.

Прибыв на место, Зверев и его спутник испытали некоторый шок. Дом номер семь – некогда двухподъездное трехэтажное здание – был частично разрушен, и даже сейчас, спустя столько лет, его никто, по-видимому, не спешил восстанавливать.

Порядок на улице, вблизи здания, конечно, был наведен. Обломки стен были убраны давно, но сам разрушенный дом все еще выглядел устрашающе. Покрытые сажей стены, выбоины, оставленные пулями, поваленный забор. В некоторых окнах еще оставались осколки, удерживаемые в рамках наклеенными бумажными крестами.

Зверев открыл дверь и не спеша полез в карман за сигаретами:

– Двенадцатая квартира должна быть на третьем этаже, а вся макушка здания почти полностью снесена взрывом.

Веня тут же обежал дом, осмотрел его снаружи, потом заглянул в подъезд. Радужного настроения у него поубавилось.

– Вот черт! И лестничные проемы развалило, без лестницы туда не добраться. Неужели опять пустышка?

– Опрашиваем жителей, ищем тех, кто здесь жил до войны. Зря я не взял Вадика, дело пошло бы быстрее...

Пока Костин обходил квартиры, Зверев тоже не терял времени даром. Он посетил значные места, где можно было почерпнуть сведения о жильцах того или иного дома: дворницкую, здание собеса, опросил сидевших на лавочке старушек. Однако на этот раз старания капитана Зверева успеха не принесли. Дворник, хромо́й старикан с пропитым лицом, переехал сюда уже после войны; тучная работница собеса наорала на него за то, что он по всяким глупостям отвлекает ее от важных дел; бабушки на лавках у подъездов стали рассказывать много лишнего и неинтересного. Зверев, не дослушав, поблагодарил старушек и пошел прочь.

Вене же сегодня снова везло!

Пока Зверев выслушивал словоохотливых бабулек, к нему подбежал запыхавшийся Костин и сообщил радостную весть:

– Есть одна свидетельница, которая тут жила до войны и помнит, как девятого июля сорок первого сюда приезжала милиция!

– Что за свидетельница? – оживился Зверев.

Костин улыбнулся:

– Ну, такая...

– Какая такая?

– Идите, сами увидите! – с ухмылочкой отмахнулся Веня и двинулся ко второму подъезду шестнадцатого дома. Зверев поспешил за ним.

Вскоре они уже стучались в дверь девятнадцатой квартиры.

Дверь открыла темноволосая женщина с огромными карими глазами, тонким ртом и выщипанными бровями. При виде незнакомого мужчины она расправила плечи, выставив вперед пышную грудь. На вид ей было чуть больше сорока, утянутый на талии халат подчеркивал неплохо сохранившуюся фигуру. Если бы не крупный нос и покрытые пигментными пятнами морщинистые руки, ее можно было бы назвать настоящей красавицей.

– Это Элеонора Святославовна! Она живет здесь давно и хорошо помнит всех, кто обитал в этом доме до войны, – представил женщину Веня, пропуская Зверева вперед.

– Элеонора Святославовна? – с деланным удивлением переспросил Зверев. – Уж не та ли вы самая...

Павел Васильевич понятия не имел, кем на самом деле является эта чопорная красотка, он «выстрелил» наугад и, как это часто бывало, не промахнулся.

– Узнали? – хозяйка сама пришла ему на помощь. – Да, это я, заслуженная артистка СССР Зорина Элеонора Святославовна, первая скрипка областной филармонии. Признаться, сейчас, после этой ужасной войны, люди крайне одичали. Музыку теперь ценят меньше, чем в прежние времена. Не стану лукавить, мне очень приятно, что меня еще узнают!

– А уж мне-то как приятно: встретить такую известную артистку! Я пришел к вам по делу, а тут вы... Рад! Очень рад нашему знакомству, – галантно раскланялся Зверев и подарил кареглазой хозяйке свою самую обворожительную улыбку.

– Вы и вправду работаете в органах? Вот уж никогда бы не подумала, что людям вашей профессии присуще чувство прекрасного, – женщина скрестила руки на груди и склонила голову набок. При этом она продолжала оценивающе рассматривать Зверева. – Да-да... вы совсем не похожи на милиционера! Ваши манеры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.